

НИКОВСКАЯ ЛАРИСА ИГОРЕВНА

**КОНФЛИКТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ В РОССИИ**

**Специальность 23.00.02 — Политические институты,
этнополитическая конфликтология,
национальные и политические процессы и технологии**

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук**

Москва 2004

Работа выполнена в Институте социологии РАН, в Центре конфликтологии

Научный консультант:

Доктор философских наук, профессор
Степанов Евгений Иванович

Официальные оппоненты:

Доктор социологических наук
Левашов Виктор Константинович, Москва

Доктор исторических наук, профессор
Галкин Александр Абрамович, Москва

Доктор философских наук, профессор
Комаровский Владимир Савельевич, Москва

Ведущая организация:

Московский педагогический государственный
университет
Кафедра теории и истории социологии

Защита состоится 17 марта 2004 г. в _____ часов на заседании Диссертационного совета Д.002.011.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Институте социологии РАН по адресу: 117256, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, стр. 5

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института социологии РАН

Автореферат разослан «____» _____ 2004 года

Ученый секретарь

Диссертационного совета,
кандидат философских наук

Мещеркина Е.Ю.

Общая характеристика работы

Актуальность исследования обусловлена в первую очередь тем существенным противоречием, которое в современной России все более отчетливо проявляло себя на протяжении последнего десятилетия, порождая самые разнообразные социальные напряжения и конфликтные ситуации. С одной стороны, был провозглашен курс на демократические реформы и создание рынка, реализация которого должна была способствовать осуществлению полноценной общественной трансформации, соединяющей воедино экономические, политические и социокультурные параметры, а также интеграции России в мировое сообщество в условиях глобализации. С другой стороны, реальные действия политической власти обнаружили явную непоследовательность в осуществлении заявленного курса. При этом государство оказалось неспособным минимизировать социальные издержки преобразований и взять под контроль процессы перераспределения собственности, что вызвало обострение борьбы и конфронтации различных элитных групп, столкнувшихся в глобальном переделе собственности и власти. Стабильность сегодня во многом остается выражением лишь общественных надежд и политических деклараций. Во многом ее могли бы обеспечить утверждение принципов правового государства, демократии, социально ответственного бизнеса, партнерского взаимодействия государства и общества в целом. Однако за прошедшие 15 лет в России сложилась не плюралистически-партиципативная, не консенсуальная и даже не ограниченно-процессуальная (шумпетеровская) модель демократии, а *псевдодемократия*, за фасадом которой скрываются корпоративно-бюрократический, а по сути, олигархически-авторитарный режим.

Принятие управленческих решений при таком режиме почти полностью закрыто от населения, а сами чиновники не несут перед последним никакой ответственности. Именно поэтому политическая система современного российского общества отличается низкой эффективностью в достижении политической стабильности и социально-экономического развития. Она навязывает обществу идею принудительной консолидации и единства, исключая конкурентность и равноправие социальных интересов в публичной сфере и скрывающих, по сути, основное противоречие российского общества - между крепнущей тенденцией к монополизации власти и плюрализмом тех многочисленных интересов, которые были «разбужены» первой волной демократизации в России.

Взгляд на процессы трансформации современного российского общества сквозь призму конфликтологической парадигмы позволяет, думается, избежать реализации очередной утопии «бесконфликтного» единства и согласия.

Методологическая и практическая потребность в исследовании специфики российской трансформации, в том числе и политической, сквозь призму накопившихся напряжений, «дисфункций» и противостояний представ-

лена весьма ощутимо¹. В политологическом сообществе зримо зреет запрос на новый теоретико-методологический инструментарий, позволяющий идентифицировать элементы социальной динамики в сложившихся общественно-политических реалиях, которые сумели бы противостоять тому варианту стабилизации складывающейся политической системы, которая ведет к стагнации и усилению авторитарного синдрома. «Необходимы новые направления анализа, которые позволили бы вывести дискуссии о демократическом транзите из того поля, которое строится вокруг власти как единственной точки отсчета и единственного организующего центра. Исследования общества, особенно миноритарных групп, отношений и процессов, которые не вписываются в доминирующий тип «господства-подчинения», могут и должны привести не только к поиску реальных альтернатив развития, которые сейчас остаются вне поля зрения исследователя, но и к формированию этих альтернатив. Иное развитие невозможно без субъектного действия, которое, в свою очередь, не может основываться на представлении о сущем как единственно возможном»².

Об этих же настроениях свидетельствуют дискуссии, развернувшиеся в рамках III Всероссийского конгресса политологов «Выборы в России и российский выбор» (апрель 2003). Содержательно они сводятся к нескольким узловым вопросам: не упустило ли российское общество возможность сделать свой выбор, «ибо опыт последних 10-15 лет свидетельствует о том, что если радикальный политический выбор не воплощается в течение какого-то ограниченного времени, «окно» демократических возможностей закрывается и начинается стабилизация нового варианта авторитаризма... В этом смысле «отложенный» выбор может легко оказаться «отмененным»³; — почему «вместо современных организаций и институтов гражданского общества у нас постоянно воссоздается что угодно – кланы, касты, системы вассалитета и клиентелизма»⁴; — почему «демократический прорыв не дал ожидаемых результатов, хотя и вызвал к жизни глубокие изменения общественных отношений? В силу каких причин наследниками и душеприказчиками демократов первой волны оказались люди, не имеющие ничего общего с идеалами демократии и справедливости, с устремлениями к свободе, одушевляющими первое поколение борцов? На какие непреодолимые препятствия натолкнулась демократия в России, разбившая тесные рамки коммунистического режима?»⁵.

¹ Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации. Материалы Международного симпозиума, 16–18 января 2003 г. М.: МВШСЭН, 2003.

² Ворожейкина Т.Е. Стабильна ли нынешняя Россия? – В сб.: Куда пришла Россия?, с. 57.

³ Мельвиль А.Ю. Так что же случилось с «российским выбором»? – Политические исследования, 2003, № 4, с. 163.

⁴ Кулинченко В.А., Кулинченко А.В. О духовно-культурных основаниях модернизации России. – Политические исследования, 2003, № 2, с. 151.

⁵ Пантин И.К. Демократия в России: противоречия и проблемы – Политические исследования, 2003, № 1, с. 136.

Ряд исследователей достаточно точно указали на противоречивую природу трансформационных процессов, предлагая обозначить их как *антиномичность* российского общества, внутри которого складывается такой тип противоречий, где каждая из противоположностей имеет одинаково прочные базовые основания в реальности¹. Противоречия-антиномии ведут к возникновению дилемм, не поддающихся снятию в результате единожды сделанного выбора. Пока сохраняются глубинные основания контрнаправленных тенденций, антиномичная дилемма вновь воспроизводится, требуя постоянного подтверждения выбора.

И наконец, получила артикулированное выражение идея, что существование в условиях свободы и демократии должно приучить нас делать выбор *постоянно*, осознавая *неокончателность* этого процесса, «чтобы научиться принимать современный мир, в котором демократия, федерация, гражданское общество и прочие ценности сочетаются со своими альтернативами и образуют антиномичные единства»².

Приведенные выше высказывания подтверждают обоснованность нашего положения о том, что конфликтологическая парадигма продуктивна как теоретико-методологическая основа критической рефлексии, позволяющей адекватно реконструировать разнонаправленность процессов трансформации. В частности, именно на ее базе можно теоретически воспроизвести антиномичную суть демократии, соединяющей в себе «единство принципов демократии участия и авторитарного делегирования власти, и гражданского общества — как антиномичного соединения однородного правового пространства с многообразным выражением интересов»³. Следовательно, конфликтологический подход к исследованию трансформации вызван к жизни противоречивой природой преобразовательных процессов, усилением кризисных явлений и стремлением найти те точки напряжения, в которых собирается энергия изменений и поиска новых альтернатив выхода из сложившейся ситуации. Этот вывод оправдан и тем, что конфликт как особый тип социального взаимодействия изначально встроен в социальные и политические процессы, выступая фактором социальной динамики и активного самоопределения действующих социально-политических субъектов.

В целом актуальность данного исследования вызвана тем, что:

- на *общеметодологическом уровне* остро назрела потребность в развитии методологии и теоретической основы для конфликтологического анализа процессов российской трансформации, учитывающей накопившиеся точки различных напряжений, дисфункций, активных противоборств, создающих возможность для прорыва новых альтернатив об-

¹ Красин Ю.А. Политическое самоопределение России: проблемы выбора. — Политические исследования, 2003, № 1, с. 124–133.

² Ильин М.В. Российский выбор: сделан, отсрочен, отменен? — Политические исследования, 2003, № 2, с. 163.

³ Там же, с. 160.

щественно-политического развития и формирования самой способности жить в условиях поддержания динамического равновесия, гарантирующего общество от стагнации и деструкции. Соответственно, основной задачей анализа представляется выявление вызывающих эти ситуации факторов и детерминант как концептуальной основы для последующей разработки регулирующих их социальных и политических технологий;

- *на теоретическом уровне* существует потребность в обобщении накопившегося материала по исследованию различных типов и видов конфликтов, сопровождающих общественно-политическую трансформацию России, а также в раскрытии специфики проявления этой конфликтности. Происходящие трансформационные процессы стимулировали конфликтность всех социальных структур общества, а радикальная модернизация политической системы существенно обострила проблемы адекватного самоопределения российского социума: ему предстоит определиться по коренным вопросам формирования общественного строя и моделей институционализации власти, выделения приоритетов в экономической системе, способных обеспечить процветание страны, найти свое место и сформировать систему национальных интересов в меняющейся системе мирового порядка и глобализирующемся сообществе;
- *на прикладном уровне* актуальным является, с одной стороны, мониторинг и экспертиза реальных процессов российской конфликтности, разработка специальных инструментов такого исследования и анализа, а с другой—задача обеспечения конфликтологического менеджмента, то есть формирование квалифицированных навыков и практических способностей компетентного и цивилизованного обращения с конфликтной ситуацией. Конфликтологическая компетентность приучает в этом случае к большему профессионализму, культуре взаимодействия, предоставляя инструментарий для *всесторонней диагностики* конфликтной проблемы и *широкий набор технологий* воздействия на ее решение, а различных субъектов конфликта ориентирует на признание альтернативных позиций и на уважительный диалог и совместный поиск компромисса.

Степень научной разработанности проблемы

Исследованию собственно конфликтных аспектов процесса трансформации в России и за рубежом посвящено не так много работ. Гораздо шире изучались темы политической модернизации и демократического транзита, где эта проблематика проходит как часть описания сложностей и противоречий самого процесса перехода тоталитарных обществ в демократические. Выделим работы зарубежных авторов: А. Степана, Х. Линц, Ф. Шмиттера, Г. О'Доннела, Дж. Хигли, Р. Гююера, А. Пшеворского, С. Хантингтона, А. Турена, В. Бане, С. Терри, Т. Л. Парла, Дж. Мунка и К. Лефф, Дж. Дьюи,

Л. Лейпхарта, Д. Растоу¹, Ф. Риггса и др. Среди отечественных исследователей отметим В. Гельмана, А. Мельвиля, Л. Шевцову, Б. Капустина, А. Соловьева, М. Ильина, Р. Сакву, Г. Дилигенского, И. Клямкина, Ю. Леваду, Т. Заславскую, В. Ядова, В. Федотову, К. Холодковского, Г. Вайнштейна, Ю. Красина, А. Галкина и др.².

Многие фундаментальные положения конфликтологической парадигмы успешно разрабатывались в рамках социологической и политической науки. Выделяются труды Г. Зиммеля, Р. Дарендорфа, Л. Козера, С. Липсета, Ст. Роккана, М. Дюверже, Дж. Сартори, Я. Щепаньского, И. Валлерстайна, М. Амстутца, Р. Даля, С. Хантингтона, Дж. Тернера, Й. Галтунга, Л. Крисберга, Дж. Бертона, Э. Азара³, А.В. Дмитриева, В.Н. Кудрявцева, А.Г. Здравомыслова, Е.И. Степанова, А.К. Зайцева⁴ и др.

¹ Bunce V. Should Transitologists Be Grounded? - *Slavic Review*, 1995, vol. 54, № 1; Huntington S. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman: University of Oklahoma Press, 1991; Karl T. and Schmitter Ph. *Modes of Transition in Latin America, Southern and Eastern Europe*. - *International Social Journal*, 1991, № 43; Linz J. *Transitions to Democracy*. - *The Washington Quarterly*, 1990, vol. 13, № 3; O'Donnell G. *Delegative Democracy*. - *Journal of Democracy*, 1994, vol. 5, № 1; Stepan A. *Democratizing Brazil. Problems of Transition and Consolidation*. New York, 1987; Terry S. *Thinking About Post-Communist Transition: How Different Are They?* - *Slavic Review*, 1993, vol. 52, № 2; Przeworski A. *Sustainable Democracy*, Cambridge, 1995.

² Гельман В. Трансформация в России: Политический режим и демократическая оппозиция. М., 1999; Мельвиль А. Демократические транзиты: теоретико-методологические и прикладные аспекты. М., 1999; Шевцова Л. Посткоммунистическая Россия: логика трансформации и перспективы. М.: Московский Центр Карнеги, 1995; Дилигенский Г. Политическая институционализация в России: социально-культурные и психологические аспекты. - МЭиМО, 1997, № 7; Саква Р. Режимная система и гражданское общество в России. - *Полис*, 1997, № 1; Федотова В.Г. Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке. М., ИФ РАН, 2002; Капустин Б. Конец транзитологии? О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия. - *Полис*, 2001, № 4; Заславская Т.И. Социетальная трансформация в России. М., 2002; Ильин М.В. Российский выбор: сделан, отсрочен, отменен? - *Полис*, 2003, № 2; Красин Ю.А., Галкин А.А. Россия: Quo vadis? М.: ИС РАН, 2003 и т.д.

³ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерки политики свободы. М.: РОС-СПЭН, 2002; Dahrendorf R. *Soziale Klassen und Klassenkonflikt in der industriellen Gesellschaft*. English ed., 1959; Krisberg L. *Sociology of Social Conflict*. New Jersey: Prentice-Hall, 1973, XIV; Burton J., Dukes F. *Conflict: Practices in Management, Settlement and Resolution*. N.Y.: Martin's Press Inc., 1990; Козер Л. *Функции социального конфликта*. М.: Идея Пресс, 2000; Azar E.E. *The Management of Protracted Social Conflict. Theory and Cases*/ England: Dartmouth Publishing Company Limited, 1990; Galtung J. *Cultural violence*. - *Journal of Peace Research*, 1990, vol. 20, № 3; Хантингтон С. Столкновения цивилизаций М., 2003.

⁴ Дмитриев А.В. Социальный конфликт: общее и особенное. М.: Гардарики, 2002; Зайцев А.К. Социальный конфликт. М., 2000; Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М., 1994; Степанов Е.И. Конфликтология переходного периода: Методологические, теоретические, технологические проблемы. М.: ИС РАН, 1996; Дмитриев А.В., Кудрявцев В.Н., Кудрявцев С.В. Введение в общую теорию конфликтов. М., РАН, 1993 и др.

Больше всего работ посвящено исследованию отдельных типов конфликтов - политических (А.В. Глухова, Ю.Г. Запрудский, М.М.Лебедева, Л.Н. Тимофеева, А.Л. Чумиков, Д.М. Фельдман¹ и др.), этнополитических (В.А. Тишков, Л.М. Дробижеева, Э.А. Паин, Г.А. Денисова, В.А. Авксентьев² и др.)

Далее отдельные виды конфликтов будем называть моноконфликтами.

Особенности конфликтности переходного общества представлены в работах А.В. Дмитриева, Л.М. Дробижеевой, А.В. Глуховой, В.С. Рахманина, Ю.Г. Запрудского, Л.Н. Тимофеевой, Л.М. Романенко, В.А. Ядова и др., но как часть иных теоретико-методологических задач.

К системному анализу взаимовлияния разнотипных моноконфликтов в условиях трансформации социология и политология только подходят. Впервые эта идея была предложена в середине 1980-х гг. основателем нового - резолюционистского - направления в конфликтологической мысли Дж. Бертоном, который при анализе конфликтности современных общественных процессов исходить из так называемого *адисциплинарного подхода*: разрешение и предотвращение конфликтов, по его мысли, является адисциплинарной проблемой, «то есть синтезом отдельных отраслей знания или итогом взаимодействия между отдельными дисциплинами»³. В отличие от междисциплинарного подхода, *адисциплинарный подход* не признает никаких границ знаний и предполагает целостное понимание феномена социального конфликта. Он в каждом конкретном случае конфликта помогает определить, каким должен быть приемлемый уровень или уровни анализа, единица или единицы анализа и какие области науки в своей совокупности являются для его адекватного понимания и разрешения наиболее подходящими.

Похожая попытка сделана в монографии директора Центра конфликтологии ИС РАН Степанова Е.И. «Конфликтология переходного периода: Ме-

¹ Глухова А.В. Политические конфликты: Основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). М.: Эдиториал УРСС, 2000; Запрудский Ю.Г. Социальный конфликт: политологический анализ. Ростов-на-Дону: Изд. Ростовского университета, 1992.; Тимофеева Л.Н. Политическая конфликтология. Учебно-методическое пособие. М.: РГАС, 1996; Чумиков А.Н. Социально-политический конфликт: теоретические и прикладные аспекты. М.: Институт молодежи, 1995; Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: Подходы, решения, технологии. – М.: Аспект Пресс, 1997; Фельдман Д.М. Конфликты в мировой политике. М., 1997.

² Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в 2 ч. Ставрополь, 1996; Дробижеева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х гг. М., 1996; Дробижеева Л., Паин Э. Особенности этнополитических процессов и становление этнической политики в современной России – В сб.: Политические и экономические преобразования в России и на Украине. М., 2003; Денисова Г. А. Этническая социология. Ростов-на-Дону, 2000; Тишков В.А. Россия: от межэтнических конфликтов к взаимопониманию – Этнополис, 1995, № 2.

³ Burton J., Dukes F. Conflict: Practices in Management, Settlement and Resolution. N.Y.: Martin's Press Inc., 1990, p. XI.

тодологические, теоретические, технологические проблемы» (М.: ИС РАН, 1996), написанной на основе обобщения ряда исследовательских проектов. Однако в этой работе хотя и отчетливо обозначен, но полностью еще не развернут переход к целостному анализу взаимовлияния различных конфликтов друг на друга. Заметным шагом в направлении системного анализа конфликтности российского социума стали и работы А.Г. Здравомыслова «Социология конфликта. Россия на путях преодоления кризиса» (М., 1994) и «Социология российского кризиса» (М., 1999), где представлена панорама современных массовых конфликтов в России, осмысленная в историческом контексте и сквозь призму социологических теорий конфликта и консенсуса. Автор показал некоторые механизмы взаимопроникновения разнотипных конфликтов, что заслуживает особого внимания.

Комплексный анализ влияния экономической конфликтности общества на политическую предпринят в коллективной монографии Центра конфликтологии ИС РАН «Экономика и политика в переходном обществе: кризис взаимодействия» (отв. ред. Никовская Л.И.; М.: ИС РАН, 2000), в которой рассмотрены проекции взаимного влияния политических конфликтов на особенности проявления коллизий в сфере экономики. Интересной попыткой дать целостную характеристику развития конфликтности трансформирующегося российского социума является небольшая работа ученых РАГС В.И. Василенко, Д.Т. Жовтун и Е.Л. Петренко «Управление модернизаторскими процессами и характеристиками» (М.: Изд-во РАГС, 2002), в которой сделан шаг к определению понятий «конфликтность социума», «острота конфликтности общества» и определены дескриптивные средства для изучения комплексной конфликтности модернизирующегося общества.

Попытки целостного рассмотрения различных конфликтов транзитного общества очень продуктивны. Разнотипные конфликты стимулируют, провоцируют и усиливают друг друга, что порождает появление нового интегративного эффекта проявления конфликтности, обладающего неким иным качеством, чем моноконфликты сами по себе.

Цель и задачи исследования. В диссертации поставлена цель проанализировать теоретико-методологические основания исследования конфликтности в общественно-политической сфере общества и, опираясь на них, раскрыть специфику российской политической трансформации, в том числе под углом зрения выявления причин наблюдающегося ее отклонения от основных моделей демократического транзита.

В соответствии с этой целью автор ставит перед собой следующие задачи:

- Определить концептуальные и содержательные границы продуктивности конфликтологической парадигмы для анализа процессов социально-политической динамики.
- Рассмотреть политическую трансформацию как конфликтный процесс, опираясь на создание комплексной модели конфликтности трансформации, вскрывающей механизмы взаимопроникновения разнотипных моноконфликтов, которые, в свою очередь, предопределяют динамизм

и подвижность общего тренда общественно-политических преобразований.

- Исследовать проблемы субъекта процессов политической трансформации в России сквозь призму субъектной характеристики конфликтного взаимодействия и сопоставление классовой, групповой и элитистской моделей конфликтов.
- Концептуально раскрыть и описать онтологию политического конфликта современного российского общества, определив в ходе реализации этой задачи основные факторы, которые способствуют снижению позитивного потенциала конфликтности и препятствуют эффективно-му продвижению демократических реформ.
- Проанализировать характер, типы и способы конструктивного урегулирования конфликтов в системе государственного управления как особого вида политической конфликтности.
- Рассмотреть особенности этнополитических конфликтов российского социума и возможности их позитивного урегулирования, исследовав взаимосвязи этого типа конфликтности с проблемами административной реформы, в рамках которой возможен компромисс между укреплением российской государственности и развитием принципов демократического федерализма.
- Выявить сущность, причины и типологию политической конфликтности на региональном уровне с использованием эвристических возможностей конфликтологического мониторинга.
- Исследовать место и роль конфликта в системе взаимодействия государства и гражданского общества в историко-ретроспективном и функциональном аспекте, позволяющем актуализировать позитивный потенциал обоих этих субъектов взаимного оппонирования.
- Раскрыть феномен межсекторного социального партнерства как интегральной технологии поиска и реализации баланса интересов социально-политических субъектов при урегулировании конфликтов в экономической и социальной сфере.
- Исследовать зоны напряжения во взаимодействии органов государственной и муниципальной власти и «третьего сектора» (негосударственные, некоммерческие организации) в интересах определения индекса конфликтности для профилактики и мониторинга интеракционных трендов.
- Проанализировать структурные и институциональные условия, оптимизирующие взаимодействие власти и «третьего сектора» через концепты публичной сферы и публичной политики.

Объект исследования: конфликтные процессы общественно-политической трансформации в современной России.

Предмет исследования: комплексная, сложно-составная природа конфликтности политической трансформации, детерминирующей ее дифференцированность и многолинейность, неоднозначность исходов. Анализ взаи-

модействия социально-политических субъектов через соотношение социальной динамики и стабильности как основы для поиска эффективных форм урегулирования макросоциальных конфликтов.

Методологической основой диссертационного исследования является междисциплинарный подход, сочетающий в себе способы и методы социологических исследований, системного, структурно-функционального, субъектно-деятельностного анализа и обобщения, концепцию социального пространства и полей П. Бурдьё, метод морфологического анализа для исследования возможных вариантов сложно-составных конфликтов, современные разработки отечественных и зарубежных специалистов в области конфликтологии, транзитологии, построения гражданского общества. При этом диссертант исходит из того, что трансформация в целом и демократический транзит в особенности имманентно конфликтны.

Эмпирическую базу исследования составляют следующие взаимодополняющие разделы:

- результаты репрезентативного социологического исследования демократических ценностей в структуре общественного сознания, полученные в 1992–1993 гг. коллективом сектора Методологии анализа социальных процессов ИС РАН при участии автора на материале всероссийской выборки, репрезентативной по основным социально-профессиональным и демографическим показателям населению России;
- результаты эмпирического исследования социально-политической конфликтности в режиме мониторинга в течение 2000–2002 гг. на примере Нижегородского региона (квотная выборка составила 560 единиц наблюдения);
- результаты опросов и анкетирования лидеров некоммерческих организаций (выборка целевая, N=100) из десятка регионов России, выполнявшихся по специально разработанным вопросам в течение 2002–2003 гг.;
- результаты экспертных опросов служащих государственных и муниципальных организаций и учреждений из тех же регионов РФ (выборка целевая, N=100), проведенных диссертантом в течение того же периода;
- материалы личных наблюдений, полученных автором в ходе подготовки и проведения многочисленных тренингов для некоммерческих организаций по широкому спектру тем (технологии конструктивного урегулирования конфликтов; взаимодействие органов государственной власти и общественных ассоциаций в рамках межсекторного социального партнерства; эффективные коммуникации и связи с общественностью в деятельности некоммерческого, негосударственного сектора).

Научная новизна исследования определяется следующими основными исследовательскими результатами:

– для описания и систематического изучения комплексной природы процессов общественно-политической трансформации предложена динамичес-

кая модель морфологического анализа сложно-составных конфликтов (ССК). Показано, что пространство сложно-составного конфликта образуется пересечением полей разнотипных моноконфликтов - политических, экономических, социокультурных и т.д., образуя пульсирующую и подвижную структуру конфликтного взаимодействия. Разнотипные конфликты в условиях высокодинамичной трансформации стимулируют и взаимно усиливают друг друга. В силу этого сегодня недостаточно изучать отдельные и рядоположенные социальные конфликты, оставляя без внимания факт возникновения качественно нового феномена - пространства ССК. С помощью предложенной динамической модели морфологического анализа социальной конфликтности проанализирована целостность и дифференцированность российской трансформации, неоднозначность и противоречивость ее осуществления;

- исследована проблема субъекта конфликтного взаимодействия на макроуровне и показано, что конфликт, основанный на групповых интересах (в сравнении с классовым и элитистским), более способствует поддержанию динамического равновесия в обществе и реализации позитивного потенциала политического конфликта, так как отличается гибкими внутригрупповыми связями и подвижными межгрупповыми барьерами в общественно-политической системе. Он содействует формированию в политических системах альтернативных политических институтов и хорошо налаженной ротации политических элит, отработанного механизма выборов, что позволяет членам общества принадлежать одновременно к различным социальным статусным группам, политическим организациям и движениям, ощущая свою значимость и устойчивость. Классовые и элитистские типы конфликтов более тяготеют к вертикальной поляризации общества, что усиливает «разрывные» линии взаимосвязи «верхов» и «низов», делает жесткой дихотомию «господство-подчинение» и снижает возможности диалоговой пластичности и гибкости политической системы;

- на основе дескриптивного анализа политической трансформации в России выделены детерминанты главного конфликта демократического транзита: между монополизирующей политической властью и плюрализмом гражданских интересов, за которыми стоят общественно-политические группы гражданского общества, вызванные к жизни ходом демократических преобразований политической сферы;

- доказано положение о том, что неперенным условием осуществления демократических реформ в российской действительности должен стать постоянный диалог общества и государства, раскрепощение личности и гражданской самоорганизации общества. Только этот вариант позволит исключить насильственно навязываемую «сверху» десинхронизацию общества и власти, элиты и народа, которые вели прежде к масштабным социальным конфронтациям, ибо методы волюнтаристского социального экспериментирования «сверху» себя уже полностью исчерпали к исходу XX в.;

- предложена и обоснована типология конфликтов в административно-

государственной сфере, выделены критерии их образования и предложены механизмы их регулирования;

- на основе интегрированной базы данных многолетнего мониторинга региональной конфликтности зафиксированы своеобразие отражения общеполитической специфики развертывания политической конфликтности на уровне региона, слабость институционализации социально-политического конфликта и недостаточная структурированность его субъектов, что существенно затрудняет урегулирование и предсказуемость поведения конфликтующих сторон;

- исследована противоречивая природа взаимодействия государства и гражданского общества, которая изначально предполагает наличие «дремлющего» конфликта в их взаимоотношениях, обозначенного нами как феномен протоконфликта. В работе предложена типология возможных форм протоконфликтов, возникающих во взаимодействии государства и гражданского общества, и указываются способы их урегулирования;

- показано, что общественные ассоциации и гражданские инициативы, образующие структурные элементы некоммерческого, негосударственного («третьего») сектора российского социума, являются более гибким и оперативным звеном укрепляющегося гражданского общества и инициатором поиска новых форм взаимодействия государства, бизнеса и некоммерческого сообщества. На основе эмпирического анализа доказано, что на региональном и местном уровне организации «третьего» сектора в своем взаимодействии с органами региональной и местной власти все больше эволюционируют от корпоративной модели представительства интересов в сторону технологий политических сетей, предполагающих больший демократизм и взаимную ответственность сторон;

- разработана и предложена качественная шкала конфликтности (КШК), содержащая спектр из 9 различных и измеримых характеристик межсекторных взаимодействий, упорядоченный по степени нарастания конструктивности (от конфронтации и разногласий /левая часть/ через игнорирование до разового сотрудничества и постоянного партнерства /правая часть/). Применение КШК в ходе эмпирических исследований характера взаимодействий региональных и местных органов власти и некоммерческих организаций в десятке регионов позволило выявить следующие особенности: - для территорий и муниципалитетов, где присутствует ярко выраженная система несовпадающих позиций и проявленных интересов участников, основанная на ценностных расхождениях и отличиях, четко наблюдается *бимодальный характер распределения суждений* участников конфликтных взаимодействий на КШК, когда имеются два пика, позиционированные в левой и правой частях шкалы; - для муниципалитетов, где существует налаженная и плодотворно работающая система механизмов взаимодействия (межсекторного социального партнерства) характерно либо полное отсутствие острых противоречий, или отсутствие ярко выраженного пика в первой части КШК, но одновременно имеется унимодальное распределение оценок участников взаимодействий в правой части шкалы.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Сложность и разнонаправленность взаимодействия различных субъектов политических преобразований обусловлена высокой степенью конфликтности трансформирующегося общества, поскольку оно вступило в период коренной ломки привычных норм и структур всех подсистем социума и не имеет отлаженных механизмов и процедур регулирования постоянно возникающих конфликтов. Такой взгляд способствует пониманию, что общий тренд политической трансформации - многолинейный процесс, не обладающий целостностью эволюции, а, наоборот, предполагающий самую неожиданную реализацию нестандартно складывающихся исходов комплексных, сложно-составных конфликтов транзита.

2. Современный процесс глобализации по-новому расставил акценты в соотношении явлений «стабильность-динамика», усилив функциональную зависимость социально-политической стабильности от динамических процессов. Чем динамичнее развивается общество, тем более оно стабильно. Стабильность застойных обществ иллюзорна. Она чревата взрывом и распадом системы. Таким образом, чрезмерно высокая степень стабильности (особенно навязываемой и жестко управляемой «сверху») предполагает жесткую сопротивляемость изменениям - как вне, так и внутри системы. Обратная сторона этой качественной характеристики - ослабленная способность адаптироваться к меняющимся условиям существования, что ведет к кризису. Гораздо выше жизнеспособность динамических систем, в которых степень стабильности, обеспечивая самосохранение, не является непреодолимым препятствием для назревших изменений. Стабильность в динамических системах покоится на совокупности неустойчивых равновесий между системообразующими и системоизменяющими процессами.

3. Анализ динамических процессов трансформации невозможен на основе исследования только рядоположенных моноконфликтов, разворачивающихся в той или иной сфере общества. В современных условиях одной из приоритетных задач выступает изучение процессов *взаимовлияния, взаимопереплетения* различных социальных конфликтов, которые в совокупности образуют так называемый *сложно-составной конфликт*, обладающий собственной логикой развития и требующий более серьезных диагностических и технологических усилий для введения его в конструктивное русло урегулирования. Недопонимание этого факта, отсутствие адекватных познавательных и управленческих средств воздействия на эту комплексную конфликтность снижают ожидаемый эффект от демократических преобразований.

Установлено, что многие особенности комплексной конфликтности, проявившиеся в ходе общественно-политической трансформации в целом, получили отражение и в региональном измерении. Но конфигурация сложно-составной конфликтности в каждом регионе своя, как и точки прорыва и социальной инновации. Это подтвердили данные трехлетнего мониторинга социально-политической конфликтности в Нижнем Новгороде, проводившегося Центром конфликтологии ИС РАН с 2000 по 2003 гг.

4. Типологический анализ моделей конфликта, основанный на выделении социально-политических субъектов на макроуровне, деятельность которых оказывает значительное влияние на социально-политические процессы трансформации общества, демонстрирует преобладание классовых и элитистских моделей конфликта в современной России, что указывает на преобладание вертикальных связей, наличие высокой степени отчуждения населения от власти и центров принятия политических решений. Для групповой же модели, наиболее тесно связанной с успешным развитием гражданского общества, плюрализмом групповых интересов и гражданских инициатив, пока только формируется возможность приобретения «прав гражданства» в нашей политической системе.

5. Глубина и жесткость структурных преобразований в России определяют сложность, неоднозначность их результатов, «размытость» или сложную комбинацию различных субъектов, не совпадающих по своим статусным и позиционным возможностям, и, самое главное, слабую степень управляемости конфликтных процессов, сопровождающих процесс трансформации российского общества. В этих условиях политический процесс в большей степени предопределяется активностью бюрократического аппарата и ограниченного круга политических лиц. Номенклатурное «начало» исказило контуры формирующейся демократической власти. Отсекая «низовое» демократическое движение, оно смогло стать основой политической власти и постепенно привести ее к авторитарной реконверсии.

6. Процесс политической трансформации в России объективно актуализировал противоречие, которое можно сформулировать как противоречие между тенденцией к стабилизации, равновесию, с одной стороны, и к дальнейшему изменению, преобразованию – с другой. В рамках этого противоречия и разворачивается нынешнее взаимодействие государства и гражданского общества. Консервативно настроенная часть элиты, используя мобилизационный потенциал института «партии власти», формирует бюрократическую стабилизацию под жестким контролем административных структур, с опорой на патрон-клиентелистские отношения, с большой примесью внеправовых практик и отношений. Социально-политический контекст **цивилизованной конфликтности** явно сужается. Стремление к преодолению «проблемности» и противоречивости трансформационных процессов на стадии стабилизации ведет к элиминации из общественных отношений конфликта как элемента социальной динамики. «Снятие» многообразия интересов и позиций под эгидой административно-бюрократического единообразия свидетельствует о заинтересованности в переходе к безальтернативному существованию.

7. Поиск альтернативы этой ситуации видится в выявлении *иных* центров влияния на трансформационное поле. И эти центры находятся в структурах гражданского общества, в стимулировании процессов его самоорганизации и самодеятельности. Использование конфликтологической парадигмы для исследования взаимодействия государства и гражданского общества позволяет вскрыть противоречивые основы этого процесса, которые изначально пред-

полагают наличие латентного конфликта, обозначенного нами как *феномен протоконфликта*. Этот имманентно присутствующий тип конфликта является необходимым условием для обеспечения реальной возможности граждан и их объединений контролировать действия правящей государственной элиты и влиять на функционирование государственной вертикали власти.

8. Самые большие трудности и часто неудачи преследуют российскую трансформацию в области этно-национальных конфликтов. Присутствие этнической составляющей в любом конфликте «утяжеляет» его течение и часто переводит в «глеющее» состояние. Ошибки в этой сфере чреваты самыми трагическими последствиями. Социально-политическое «раскрепощение», вызванное процессами структурных перемен, предоставило заманчивые возможности многим этническим общностям для радикального изменения своего социально-политического статуса в системе межэтнических отношений, для нового перераспределения политико-властных полномочий. Именно это обострило взаимодействие политических, административно-государственных компонентов сложно-составного конфликта с этно-национальными конфликтами.

9. На Западе с 70-х гг., а в России с 90-х гг. XX в. стала активно развиваться концепция социального партнерства в области общественных отношений как новой технологии взаимодействия трех самостоятельных сил общества-государства, бизнеса и некоммерческих, неправительственных организаций (ННКО) - для сложения и взаимоусиления ресурсов и совместных усилий в решении социально значимых проблем общества. Более того, в этой связке ННКО стали выполнять функции *организатора диалога* в социуме, *инструмента и индикатора* взаимодействия государства и общества. В России некоммерческий сектор, объединяя социально-инновационные силы общества, превратился в самый динамичный сегмент гражданского общества и стал инициатором выстраивания новой системы функционального представительства интересов в структурах государственного управления, развивающегося в направлении технологии политических сетей.

10. Для политической системы и государственного управления России центральной проблемой является демократизация, позволяющая выстраивать на принципиально иной основе отношения между государством и гражданами, их объединениями через укрепление институтов публичной сферы и публичной политики, позволяющее сформировать такую стратегию общественного развития, в которой начала самостоятельности (спонтанности) и сознательности не только бы дополняли, но и усиливали друг друга. Следовательно, в России необходимо наличие такой системы публичных институтов, которые способны увидеть наше общество не только «сверху» или «снизу», но и «в целом», в «единстве его многообразия». Таким образом, демократизация, публичные институты имманентно предполагают использование продуктивного потенциала конфликтологической парадигмы, что исключает абсолютизацию противоположных интересов и разнонаправленных тенденций, препятствует их «окончательному» и революционному «снятию».

Теоретическое и практическое значение результатов исследования

Теоретические выводы и рекомендации диссертации могут способствовать формированию более четкого и реалистичного представления о характере и механизмах российской политической трансформации, о путях ее оптимизации, особенно в ситуации нестабильного общества, а также содействовать совершенствованию практической деятельности институтов государственной власти, политических партий, общественных организаций и других субъектов гражданского общества в целях достижения подлинного гражданского согласия в отношении путей дальнейшего развития страны. Таким образом, концептуальные возможности теории конфликта позволяют по-новому посмотреть на противоречивые процессы общественно-политической трансформации в России, на ее «вялотекущий», постоянно «застревающий» характер. Предшествующий аналитический опыт показал, что исследования трансформации только с позиций теорий модернизации и неомодернизации недостаточно, так как из поля зрения выпадают источники и механизмы самих общественно-политических изменений, актуализирующихся в наборе определенных конфликтов, а точнее - в самом функционировании конфликтности, которая носит комплексный, сложно-составной характер. Помимо этого знание основ конфликтологии - как науки о сущности и механизмах разрешения и упреждения конфликтов - может стать неотъемлемым элементом политической культуры, при помощи которого в перспективе можно ограничить наиболее экспансионистские поползновения власти и государства в целом в сферу интересов и деятельности гражданского общества и облагородить саму политику. Знание комплексных конфликтных особенностей трансформации может научить и власть, и граждан умению самоорганизовываться, чтобы защищать свои интересы с учетом интересов противоположной стороны в процессе конфликтного взаимодействия, культуре диалога и восприятию аргументации контрагента конфликта, поиску зон согласия в процессе выработки компромиссного решения. Для России также весьма значимо, что такое знание поможет сформировать в обществе соответствующий нравственный климат, когда разнообразие взглядов, позиций, интересов - при условии их конструктивного взаимодействия - будет цениться выше, чем сегодня. Но «открывая», легитимизируя конфликт, надо привить обществу иммунитет против «го деструктивных, разрушительных, насильственных форм, преобладание которых в нашем недавнем и далеком прошлом дискредитировало само понятие конфликта и служило серьезным препятствием для формирования конфликтологической парадигмы в мировосприятии населения России и ее умелого использования.

Материалы диссертации могут быть использованы для подготовки учебных пособий, преподавания специальных курсов в рамках политической конфликтологии, политологии, политической социологии в высшей школе, в учебных структурах, обеспечивающих повышение профессиональной квалификации.

Апробация работы. Материалы и выводы диссертации апробированы в следующих формах:

- опубликована монография «Трансформация в России в контексте со-

циального конфликта». В 2-х частях. М., 2003. - 22,7 п.л.; статьи общим объемом более 38 п.л.

- выводы и положения работы докладывались автором на двух Всероссийских социологических конгрессах (Санкт-Петербург, 2001; Москва, 2003); на двух Всероссийских политологических конгрессах (Москва, 2000 и 2003); на первом Международном конгрессе конфликтологов (Казань, 2000), на II и III Российских научно-общественных форумах «Формирование гражданского общества в России» (Санкт-Петербург, СПбГУ, 2002, 2003), на Всероссийском гражданском форуме - 2003 в Нижнем Новгороде; на пяти международных научных конференциях: «Проблемы и перспективы социально-экономического и политического развития Беларуси, России, Украины» (Минск, 2001), «Устойчивое развитие современных крупных городов: теория, опыт, проблемы» (Минск, 2002), «Современные социально-политические процессы и политическая наука» (Минск, 2003), «Бизнес и культура мира: репутация отечественного предпринимательства и образ России в III тысячелетии» (Москва, 2000), «Репутация бизнеса и власти в России» (Москва- Санкт-Петербург, 2001); на 7-й и 8-й Международных научно-практических конференциях «Актуальные проблемы управления» (Москва, ГУУ, 2002, 2003), на II Всероссийской конференции «Культура, нравственность, экономика, политика и устойчивое развитие регионов» (Ульяновск, 1999); на конференции, посвященной 10-летию образования факультета Государственного управления МГУ им. Ломоносова; на четырех региональных конференциях: «От противостояния к культуре мира» (Казань, 1999), «Конфликтология как составляющая гражданского воспитания молодежи» (Астрахань, 1999), «Политическая конфликтология между старыми и новыми парадигмами» (Воронеж, ВГУ, 2001), «Социальные конфликты и социальный мир: поиск оптимума» (Воронеж, ВГУ, 2003); на двух региональных руглых столах экспертов: «Региональная конфликтология: конфликтологические факторы и их взаимодействие» (Ярославль, 2001), «Мониторинг и менеджмент региональных конфликтов: состояние, проблемы, задачи» (Нижний Новгород, 2001); на научно-дидактическом семинаре «Развитие современной конфликтологии как научной и учебной дисциплины: глобальный и региональный аспекты» (Санкт-Петербург, 2002); на Всероссийской научной конференции «Профессиональные ассоциации в России и оптимизация условий научной и преподавательской деятельности» (Москва, 2003); в рамках ежегодных научно-теоретических семинаров «Россия в условиях трансформации» Фонда развития политического централизма в течение 2001 -2002 гг., а с 2003 г. - «Проблемы становления гражданского общества в России» (руководители семинара А.И. Соловьев, С.С.Сулакшин); на XI ежегодном симпозиуме «Пути России: существующие ограничения и возможные варианты» (Москва, МШСЭН, 2004).

- Диссертация обсуждалась в Центре конфликтологии Института социологии РАН.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *Введении* обосновывается актуальность избранной темы, характеризуется степень ее разработанности, определяются объект и предмет, формулируются цель и задачи исследования, раскрываются его научная новизна и практическая значимость, указываются методологические основы диссертационной работы.

В первой главе *«Трансформация как конфликтный процесс»* рассматриваются вопросы теории и методологии исследования общественно-политической трансформации в России с точки зрения конфликтологической парадигмы и предложенной динамической модели сложно-составного конфликта, а также субъектов конфликтного взаимодействия, выявленных на основе трех моделей макроконфликта - классовой, элитистской, групповой.

В первом параграфе *«Содержание и конфликтологические особенности политической трансформации»* автор определяет понятийно-категориальный аппарат исследования, выделяя специфику конфликтности трансформации. Подчеркивается, что концепция трансформации более адекватно описывает спонтанность и слабую управляемость процессов общественных изменений, поскольку акцентирует зависимость общественно-политических сдвигов не только от действий правящей элиты, но и массовых слоев общества, представители которых исходят из собственных интересов и действуют в условиях не вполне сформированной и нежесткой институциональной среды. Указанные характеристики понятия трансформации могут быть вполне применимы к описанию перехода от тоталитаризма к демократии в России, вступившей на рубеже 1980-1990-х гг. в так называемую «третью волну демократизации», содержанием которой стало падение коммунистических режимов в СССР и странах Центральной и Восточной Европы, а затем и в СССР. Политическая трансформация подчеркивает сложность и неоднозначность задачи утверждения демократии и подтверждает выводы западных исследователей (С. Хантингтон, А. Пшеворский, Д. Растоу, Ф. Шмиттер и др.), что демократические транзиты «третьей волны» в большинстве случаев не завершились созданием консолидированных демократий. Более того, на значительной части постсоветского пространства возрождаются авторитарные режимы. Все это ставит перед исследователями серьезные вопросы о причинах успеха или неуспеха консолидации демократии в современном мире, о структурных предпосылках и процедурных условиях перехода к ней, движущих силах этого перехода и т.д. Очевидно, что сами эти переходы настолько разнообразны, что их трудно свести к какой-либо одной модели.

В западной политической мысли существует два наиболее значимых подхода к описанию демократического транзита: элитистский и институциональный. Авторы элитистских теорий (Дж. Хигли, Р. Гантер, М. Бартон, А. Пшеворский, Я. Пакульский и др.) считают, что последовательность и взаимообусловленность определенных политических решений и действий, выбор тактик акторами, которые инициируют и осуществляют демократиза-

цию, важнее для ее исхода, нежели имеющиеся либо отсутствующие предпосылки демократии. Первоначально господствующим было понимание «демократизации» как одностороннего процесса к некоему идеальному демократическому режиму, характеристики которого идентичны основным признакам западной либеральной демократии. Соответственно, предполагалось, что политическая трансформация происходит в пределах биполярного континуума, включающего широкое разнообразие систем, в том числе «ограниченную демократию», «полудемократию», «псевдodemократию» и пр. Элитистское направление акцентирует внимание на выявлении влияния внутриэлитных взаимодействий на характер демократического транзита и обуславливает стабильное демократическое правление фактором единства элит. Среди российских исследователей в этом ключе анализирует российский политический опыт В. Гельман.

Выявившаяся в результате демократического транзита конца 1980-х - начала 1990-х гг. в Центральной и Восточной Европе неадекватность элитистских теорий реальной практике перехода стимулировала интерес к институциональному подходу, представители которого (Дж. Дьюи, А. Валенсуэла, А. Лейпхарт, А. Степан, С. Скач, Х. Линц и др.) указывали на важность институционального выбора (прежде всего выбора президентской или парламентской форм правления, вариантов избирательной системы, типа конституции и т.д.) в процессе консолидации демократии.

В настоящее время в западной исследовательской мысли наблюдается плодотворный синтез указанных двух подходов. В России такой интегрированный подход использует А. Мельвиль, считая, что переход к демократии через пакт или другие распространенные модели общественных трансформаций все же *не охватывают реальное многообразие сложных и многомерных процессов, которые относятся к современной демократической волне и которые являются результатом действия разнообразных внешних и внутренних факторов*¹, и предлагает в качестве первого шага на пути создания интегрированной теории демократического транзита *концепт «воронки причинности»*, которая синтезирует институциональный (структурный) подход и действия акторов.

Для объяснения особенностей демократического перехода в России автором была разработана *динамическая модель морфологического анализа*²

¹ Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты. Теоретико-методологические и прикладные аспекты. М.: МОИФ, 1999, с. 26-27.

² Метод морфологического анализа (ММА) был разработан в середине прошлого века швейцарским ученым Ф. Цвикки. Коротко его суть состоит в том, что любая сложно устроенная система, проблема, программа и др. декомпозируется на подсистемы (подпроблемы, подпрограммы и т.п.) таким образом, чтобы в совокупности они детализировали структурные и функциональные особенности данного объекта, имеющего некое осязаемое целевое предназначение. Затем для каждой из выделенных подсистем независимо от остальных составляется набор возможных вариантов ее реализации. При этом в набор включаются как известные, так и иные, ранее не

социальных конфликтов трансформирующегося общества, соединяющая структурные и субъектные аспекты анализа. Российский социум, вступая в полосу перемен, радикально меняет основы экономической, политической, социальной и прочих систем. Этот процесс по своей изначальной сути глубоко конфликтен, поскольку предполагает появление социальных субъектов, стремящихся пересмотреть устоявшиеся нормы и тем самым актуализирующих противоречие между новыми общественно-политическими тенденциями и старыми устоями. Причем сам переход осуществляется в условиях полиэтнического общества. Поэтому происходящие в России процессы во многом уникальны, поскольку фактически означают *тройной переход*: ибо те, кто занимается приватизацией и структурной перестройкой экономики, одновременно радикально перестраивают всю политическую систему, а также стремятся сформировать еще и новую федеративную систему. Противоречия, таким образом, начинают разворачиваться во всех сферах общества – *социально-экономической, политической, духовной*, и одновременное их обострение создает предпосылки для кризиса общества в результате глубинных изменений в содержании и формах жизни различных социальных групп, серьезного нарушения механизма контроля в экономике, политике, культуре. Проявлением такого кризиса общества служит резкий рост социальной напряженности, который, как индикатор назревшего общественно-политического конфликта, требует своего разрешения и, как правило, приводит к формированию определенных социальных субъектов, реализующих это противоречие в конкретной системе противодействий. Если же назревший кризис своевременно не выявляется, а конфликтное противоречие никак не разрешается, «тлеет», уходя вглубь, истощая силы общества, возникает тупиковая ситуация. Синдром «зависания» может длиться сколь угодно долго, пока не возникнут новые обстоятельства и не сформируются новые субъекты, в интересы которых будет входить завершение этой неопределенности.

Поскольку Россия находится в сложном, динамичном трансформационном процессе, то существование моноконфликта (однотипного конфликта) – это скорее исключение, нежели правило. В реальности имеет место проек-

использовавшиеся варианты реализации подсистемы, но с обязательным выполнением условия их способности обеспечить выполнение основной функции (предназначения) подсистемы. Построенная таким образом морфологическая матрица исследуемого объекта содержит самые разные альтернативные комбинации «сборки». ММА нашел широкое применение в задачах научно-технического прогнозирования, изобретательстве, в задачах проектирования сложных систем, в многокритериальном моделировании, при разработке комплексных человеко-машинных систем, систем принятия сложных решений и при исследовании различных сложных социально-экономических объектов. Этот метод является довольно эффективным средством для решения задачи формирования вариантов разнообразных систем. Он позволяет выявить, систематизировать и изучить все возможные варианты реализации сложной системы или объекта. В нашем случае в качестве такого объекта выступает сложностной конфликт.

ция и взаимовлияние, взаимопроникновение одних типов конфликта в другие, когда источники (причины) и особенности одних конфликтов запускают или актуализируют «пробуждение» других. Соединение в цепочку причин разных по типу конфликтов образует один из возможных вариантов *сложно-составного конфликта*. Например, конфликт между «традиционалистами» и «западниками» (социокультурный конфликт) «запускает» коллизии вокруг различных проектов политического развития и моделей институционализации власти, это, в свою очередь, актуализирует источники этно-национальных конфликтов, связанных, скажем, с различным пониманием национально-территориального устройства государства и разделения компетенции, что, в свою очередь, провоцирует конфликты, связанные с неравномерным распределением социальных благ и условий воспроизводства жизни социальных групп, и, наконец, в экономической сфере выливается в противодействие по поводу различных принципов оформления отношений собственности и распределения прибылей. Таким образом, образуется пространство возможных вариантов сложно-составного конфликта. Причем точка «старта» этой цепочки может находиться в той сфере, которая наиболее актуальна в данный момент для общества или определенной группы. Но таких различных комбинаций конфликтов может быть построено достаточно много. Следовательно, вариантов сложно-составных конфликтов, определяющих течение сложных и динамичных процессов трансформации, может быть также много. И они не возникают беспорядочно. Их сопряжение подчинено содержательным особенностям переживаемого момента. Так, первый, «романтический», период развития общественно-политической трансформации в России (1991-1993 гг.) в качестве доминантных выделил конфликты политические (государственное устройство страны, политическая программа ее развития, модель власти и т.д.), экономические и этно-национальные, которые выстроили за собой все пространство остальных комбинаций сложно-составных конфликтов. В качестве примера можно привести сложно-составной конфликт, связанный с драматическими событиями октября 1993 г. Главное противостояние политических сил шло вокруг споров о президентской или парламентской форме институционализации власти. Собственно политический конфликт «запустил» государственно-правовой, который выразился в масштабном конституционном кризисе: по сути, борьба законодательной и исполнительной власти в 1993 г. привела к разрыву конституционных связей на всех уровнях государственной организации. Критерии конституционности актов и действий стали произвольными, появились утверждения о нелегитимности действовавшей Конституции 1978г. Кульминацией явился породивший острые силовые столкновения Указ Президента от 21 сентября 1993 г. «О поэтапной Конституционной реформе в РФ». В итоге парламент был разогнан, распались Советы на местах. Деятельность Конституционного суда была приостановлена, в «досудебном порядке» прекращено функционирование ряда партий, введены цензурные ограничения. Верховенству Конституции и Закона был нанесен удар «указным правом», вводящим но-

вые институты. Государственно-правовой конфликт вызвал к жизни этно-национальные конфликты, поскольку с этого момента субъекты Федерации стали произвольно менять свой статус и отношения с Центром. Начался период известного всем «парада суверенитетов», грозивший России потерей территориальной целостности. Актуализировавшаяся цепочка сложно-составного конфликта была в какой-то мере урегулирована с принятием в 1993 г. новой Конституции. Но комбинация новых факторов развернула новый комплексный конфликт с доминантой этно-политической составляющей. И связано это было с чеченским конфликтом 1994-1996 гг. Линия противостояния в тот период проходила через все государственные и политические институты: Администрацию Президента, Правительство, партии и фракции в Государственной Думе, генералитет, офицерский корпус в армии и в других силовых структурах. Помимо государственно-правовых и политических проблем этот конфликт обусловили и экономические причины, связанные с переделом собственности и ресурсов. Размежевание в рядах федеральной и региональной элит достигло таких масштабов, что классическая угроза «войны всех против всех» стала вполне реальной. Причем эта борьба происходила на фоне углубления экономического и социального кризиса в стране и осложнения ее положения на международной арене, связанного с расширением военно-политического блока НАТО на Восток и угрозы исламского фундаментализма на Юге.

На следующей мини-фазе трансформации, в 1993-1998 гг., на первый план вышли приоритеты экономические (приватизация и передел собственности), которые соподчинили на время все возможное множество комбинаций с политическими, этно-национальными, социальными, ценностными конфликтами.

С приходом В. Путина в повестку дня выдвинулись конфликты, связанные с административно-государственной и социальной сферами, которые упорядочили и выстроили все остальные множества конфликтов. Укрепление государственности и борьба с бедностью стали одними из стратегических целей и главных ценностей, выдвинутых В. Путиным и призванных сплотить дезориентированное и деморализованное российское общество.

Для систематического изучения различных вариантов ССК в работе впервые предложена динамическая модель¹ морфологического анализа. В соответствии с ней *пространство сложно-составного конфликта* образуется пересечением полей разнотипных конфликтов - политических, экономических, социокультурных и т.д., образуя пульсирующую и подвижную структуру конфликтного взаимодействия, специфика которого определяется неравномерным распределением капиталов действующих субъектов (П. Бурдые), значимость которых определяется доминирующим положением того или иного поля - *как места соотношения сил* - в каждый данный момент времени.

¹ Для анализа ССК можно использовать «полевой» теоретический подход, который впервые был предложен Квинси Райтом, предполагающий важность учета многоуровневого характера причинно-следственных связей в конфликте в рамках поля отношений «человек - государство - общество».

¹ В приводимой ниже морфологической матрице ССК (см. рис.1) каждый из шести моноконфликтов (социокультурный, политический, государственно-административный, этно-национальный, конфликт в социальной сфере, экономический), из которых может быть образован ССК, характеризуется двумя основными элементами - набором причин и спецификой взаимодействия участников-сторон.

В клетках матрицы содержатся варианты причин или взаимодействий. Заметим, что в первой колонке выделена ситуация, когда основные элементы каждого из моноконфликтов отсутствуют (позиция «нет»). Эта колонка сделана для того, чтобы была возможность формировать варианты ССК из пары, тройки, четверки и пятерки моноконфликтов. При этом также стало возможным включить в матрицу и моноконфликты. Один из них - социокультурный - представлен сплошной линией.

ССК, состоящий из пары моноконфликтов - социокультурного и политического, в матрице показан ансамблем отрезков из соединенных сплошных и пунктирных фрагментов.

Заметим, что в матрице содержится громадное число всевозможных вариантов сложно-составных конфликтов.

Подсчитаем, например, сколько в таблице вариантов шестимерных сложно-составных конфликтов, то есть сформированных из всех шести моноконфликтов.

Обозначим это число через $N(6)$. Его можно рассчитать по формуле:

$$N(6) = 6^6 \times [(n1 - 1) \times (n2 - 1) \times (n3 - 1) \times (n4 - 1) \times (n5 - 1) \times (n6 - 1)] =$$

$$46\ 656 \times [(n1 - 1) \times (n2 - 1) \times (n3 - 1) \times (n4 - 1) \times (n5 - 1) \times (n6 - 1)].$$

Очевидно, что даже кратко составить описание всех возможных вариантов ССК затруднительно. Поэтому в реальной ситуации требуется, построив такую матрицу, уметь генерировать и сравнивать варианты ССК на систематической основе (например, научиться «измерять» различие между ними).

Приведем пример. Пусть у каждого из шести типовых моноконфликтов удалось выявить ровно по 3 причины (включая и отсутствие - «нет»), то есть

$$n1 = n2 = n3 = n4 = n5 = n6 = 3.$$

Если оставить неизменным шесть способов взаимодействия участников в каждом моноконflikте (сами стороны, стороны + фасилитатор, стороны + посредник, стороны + управленец, стороны + арбитр, стороны + суд), то в матрице содержится $(6^6 \times 2^6) = 2\ 985\ 984$ шестимерных варианта ССК.

Л если к этому числу добавить все двумерные (когда в ССК представлена любая пара моноконфликтов), трехмерные, четырехмерные и пятимерные конфликты, то общее число всевозможных ССК еще больше возрастет.

Налицо значительные сложности, с которыми приходится сталкиваться исследователю при анализе ССК в условиях трансформации.

Рисунок 1. Морфологическая матрица сложно-составных конфликтов

Тип конфликта	Элементы описания	Характерные варианты причин и специфика взаимодействия сторон разных конфликтов							
		Нет	Прич. 1	Прич. 2	Прич. 3	Прич. 4	Прич. 5	Прич. 6	Пр. 1n1
1. Социокультурный	Причины	Нет11	Прич. 12	Прич. 13	Прич. 14	Прич. 15	Прич. 16	Прич. 17	Пр. 1n1
	Взаимодействие участников	Нет	Сами стороны	Стороны + фасилитатор	Стороны + посредник	Стороны + управленец	Стороны + арбитр	Стороны + суд	
2. Политический	Причины	Нет21	Прич. 22	Прич. 23	Прич. 24	Прич. 25	Прич. 26	Прич. 27	Пр. 2n2
	Взаимодействие участников	Нет	Сами стороны	Стороны + фасилитатор	Стороны + посредник	Стороны + управленец	Стороны + арбитр	Стороны + суд	
3. Административный	Причины	Нет31	Прич. 32	Прич. 33	Прич. 34	Прич. 35	Прич. 36	Прич. 37	Пр. 3n3
	Взаимодействие участников	Нет	Сами стороны	Стороны + фасилитатор	Стороны + посредник	Стороны + управленец	Стороны + арбитр	Стороны + суд	
4. В социальной сфере	Причины	Нет41	Прич. 42	Прич. 43	Прич. 44	Прич. 45	Прич. 46	Прич. 47	Пр. 4n4
	Взаимодействие участников	Нет	Сами стороны	Стороны + фасилитатор	Стороны + посредник	Стороны + управленец	Стороны + арбитр	Стороны + суд	
5. Экономический	Причины	Нет51	Прич. 52	Прич. 53	Прич. 54	Прич. 55	Прич. 56	Прич. 57	Пр. 5n5
	Взаимодействие участников	Нет	Сами стороны	Стороны + фасилитатор	Стороны + посредник	Стороны + управленец	Стороны + арбитр	Стороны + суд	
6. Этнонациональный	Причины	Нет61	Прич. 62	Прич. 63	Прич. 64	Прич. 65	Прич. 66	Прич. 67	Пр. 6n6
	Взаимодействие участников	Нет	Сами стороны	Стороны + фасилитатор	Стороны + посредник	Стороны + управленец	Стороны + арбитр	Стороны + суд	

К системному анализу взаимовлияний разнотипных конфликтов друг на друга социология только еще подходит. Анализ конкретных конфликтов в изолированном от других виде – это необходимое условие для выявления системных качеств конфликтности в условиях трансформации. Сейчас, когда отечественная социология накопила знания о многих типах и видах конфликтов, ей предстоит сделать следующий шаг: углубить изучение феномена сложно-составного конфликта, выяснить те социальные эффекты, которые образуются динамично-активным «наложением» полей различных конфликтов в определенном социальном пространстве в условиях общественно-политической трансформации.

С помощью предложенной динамической модели морфологического анализа социальной конфликтности может быть описана целостность и дифференцированность российской трансформации, неоднозначность и противоречивость ее осуществления.

Во втором параграфе "Конструктивность конфликтологической парадигмы в анализе процессов трансформации" исследуются основные принципы конфликтологической парадигмы с использованием теоретического наследия известных классиков конфликтологической мысли – Л. Козера, Р. Дарендорфа, Дж. Бертоне, Э. Азара и др. – и выявляются возможности реализации позитивно-функциональной роли конфликта для устойчивого развития макросистем. Подчеркивается, что конфликтологическая парадигма отталкивается от признания социального конфликта как неустранимого элемента социальной действительности, как той исходной социальной клеточки социума, в которой происходит накопление и разрешение энергии изменения. Попытки принципиального предотвращения или устранения конфликтов как таковых просто утопичны, поскольку социальная конфликтность есть выражение постоянного многообразия социальной жизни, динамичного и изменчивого, определяющего принципиальную «незавершенность» общественных отношений. Но, фиксируя момент движения, изменения, конфликтологическая парадигма предполагает и момент удержания равновесия в этом движении, создание условий и механизмов для динамического равновесия, что предполагает искусство и науку управления конфликтной ситуацией, которая позволяет, выражаясь образным языком Р. Дарендорфа, ставить энергию конфликта на службу ритму истории. Возврат к противопоставлению равновесия и конфликта означает методологическое и теоретико-концептуальное объединение парадигмальных возможностей социологического мышления. Стоит напомнить результаты объединительных усилий Л. Козера, предпринятых им еще в 1956 г., направленных на то, чтобы включить конфликтные теории в русло структурно-функционального подхода, и выразившихся в выводе о том, что *теория общества, и в особенности социальных изменений, проходящая мимо конфликтных явлений, представляется ущербной*. «Чем больше об этом думаешь, тем больше понимаешь, что конфликт и сотрудничество не отдельные вещи, а фазы одного про-

цесса, который всегда включает и то, и другое»¹. Таким образом, снимающая в своем содержании противоположность принципов конфликта и равновесия, *конфликтологическая парадигма особый акцент делает на динамической природе равновесия*. Стабильность (равновесие) является прогрессивным результатом разрешения (урегулирования) социальных конфликтов, если они разрешаются (регулируются) рациональным и демократическим путем, тем самым расширяя границы человеческой свободы и создавая более благоприятные условия для жизни большинства людей. То есть стабильность, основанная на «укрошении» и минимизации деструктивных, разрушительных форм проявления конфликтов в виде насилия и конфронтации ведет к предпочтительным исходам общественных изменений. Стабильность может стать регрессивной, если она достигается односторонним силовым принуждением и не допускает ни в каких формах сопротивления или несогласия. Такой порядок превращается в самоцель и вырождается в стагнирующее тоталитарное общество. В работе особо выделяется тот факт, что решение вопроса о соотношении конфликтного и структурно-функционального подходов к теоретизированию и конструированию социальной реальности есть прямое отражение определенного этапа социально-исторического процесса. Усиление реформаторских, революционных ожиданий дает толчок к взлету и использованию конфликтологических теорий. Спад и торможение социальной динамики, фаза социального упорядочивания вызывают к равновесным и структурно-функциональным подходам. За этим стоят глубинные закономерности массового поведения в эпохи переходов, отмеченные в свое время П. Сорокиным в работе «Социология революций»².

Далее, автор особо выделяет субъектно-деятельностный подход, который позволяет всесторонне использовать эвристический потенциал конфликтологического анализа. Конфликтологическая парадигма позволяет реконструировать противоречивость и амбивалентность общественного процесса через активное самоопределение социальных субъектов, борьба и противостояние которых определяется особенностями их жизнедеятельности, их наличного социального бытия. Именно на основе этого осмысления можно предложить пути и средства придания этому противостоянию позитивного характера и форм, позволяющих принципиально разрешить составляющие их основу противоречия. Таким образом, анализ процессов трансформации просто в категориях «объективистского» подхода малопродуктивен - управлять (или целенаправленно воздействовать) в строгом смысле можно только действиями определенных субъектов, анализируя специфику их деятельности и те противоречия, которые порождают каждый раз меняющийся рисунок социального взаимодействия. Восстановление адекватного понимания диалектически противоречивой природы трансформации социального бытия, субъектной обусловленности этого процесса - позволит минимизировать деструктивные издержки социальной динамики, оптимизировать со-

¹ Козер Л. Функции социального конфликта. М: Идея Пресс, 2000, с. 37.

² Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992, с.293.

циальные конфликты и удержат их в режиме позитивно-функционального развертывания. Исходя из этого, социальный конфликт в диссертации определяется как *сознательное противодействие субъектов и субъектных объединений (групп, организаций, партий, движений), возникающее на основе существующих в обществе объективных и субъективных противоречий, отражающее конкретные интересы и позиции людей и групп и выражающееся в индивидуальной или групповой программах действий этих субъектов и их реализации.*

В третьем параграфе «Проблема субъекта общественных изменений и модели конфликта» рассмотрены основные субъекты макросоциальных преобразований - классы, группы и элиты, деятельность которых оказывает существенное влияние на изменение политической системы, и проанализированы построенные на этом основании модели конфликта. Это прежде всего *либеральная модель конфликта групп интересов*, основным содержанием которой является партийный плюрализм, основанный на групповых интересах, что рассматривается в западной политологии как основа демократии. По выражению С. Липсета, *«групповые конфликты есть жизнь и кровь демократии»*, постоянно создавая вместе с тем угрозу дезинтеграции общества, группового корпоративного эгоизма¹. Это также *авторитарно-консервативная модель*, которая анализирует конфликт между правящей элитой и массами, что характерно для обществ с *запаздывающим типом* развития. Наконец, основное содержание *классовой модели конфликтов* - в конфликтах между классами, точнее - между антагонистическими классами (К. Маркс). Вся история в этой парадигме трактуется через призму классовой борьбы. С переосмыслением и коренным пересмотром понятия классового конфликта связаны работы Р. Дарендорфа². Исследовано применение этой типологии к общественно-политической практике западных демократий и современной России. Показано, что российское общество сейчас переживает стремительную социальную поляризацию, ведущую к вызреванию классического классового конфликта в его марксистском понимании³.

Примитивная дифференциация населения, при которой большинство принадлежит к низшему нищему слою, препятствует процессам формирования групповых интересов и консолидации их в различные политические институты и общности для реализации этих интересов. Для успешного развития процессов гражданской самоорганизации в обществе должен существовать довольно широкий и стабильный средний класс. Однако, как показал опыт последнего десятилетия, российский вариант либеральной модернизации способствует зарождению и укреплению бюрократического капитала как основной формы коммерциализации отечественной экономики. При

¹ Липсет С. Политическая социология – в кн.: Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972, с.214.

² Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford University Press, 1959.

³ Социальная стратификация российского общества. М.: ИС РАН, 2003.

этом интересы «верхов», элит осознаны и представлены в гораздо большей степени, чем интересы основной массы населения. Кроме того, интересы «низов» имеют тенденцию восприниматься в патерналистском духе - как продолжение интересов тех или иных элитных групп. Вертикальная организация общества все еще преобладает над горизонтальной: вне иерархических связей оно по-прежнему аморфно. Соревновательность разнонаправленных групповых интересов работает пока еще слабо, нарастание вертикального неравенства приводит к «растворению» групповых интересов в элитистских моделях конфликта либо в классовых. Правящий класс в целом сохранил свои позиции, устранив лишь верхний эшелон старой политической системы. Незавершенная демократизация породила некий гибрид, соединивший черты демократии и авторитаризма, называемый политологами «делегативной демократией» (Г.О.Доннелл), «плебисцитарной демократией» (Ю.А. Красин, А.А. Галкин, Э.Н. Ожиганов).

В России, как показано в работе, пока преобладающими моделями конфликта являются классовая и элитистская, что способствует сохранению значительного потенциала социальной и политической нестабильности, чреватой самыми неожиданными исходами. Групповая модель конфликта, связанная с успешным развитием гражданского общества, плюрализмом групповых интересов, деловых и гражданских инициатив, пока только находится в процессе становления. Реализация полноценной версии групповой модели конфликта оказалась «зажата» в рамки бюрократически-корпоративного элитизма, который закрепил внутреннюю неравноправность и разорванность российского общественно-политического поля. Развитие и утверждение групповой модели конфликта будет свидетельствовать об увеличении возможностей для проявления позитивно-функциональной роли социальной конфликтности, о возрастании степени партнерства и диалога во взаимоотношениях различных социальных субъектов, взаимодействующих в публичной сфере, об утверждении гибкости и адаптивности формирующейся социальной и политической систем, способных к динамическому обновлению в соответствии с вызовами современного глобализирующегося мира.

Во второй главе *«Конфликтные процессы в экономической и социальной сферах российского общества»*, состоящей из двух параграфов, рассматриваются конфликтогенные факторы трансформации экономической системы России и многообразие проявления форм конфликтности в социальной сфере. В **первом параграфе** «Конфликтогенные факторы трансформации экономической системы России» анализируются исторические и структурные факторы, приведшие к становлению олигархического (бюрократического) капитализма в России. Автор показывает, что экономически эта модель капитализма весьма неэффективна, чревата большим и долгим спадом производства, резким снижением его эффективности, примитивизацией экономической жизни и «вымиранием» высокотехнологичных отраслей, падением уровня жизни огромной массы населения, резким ухудшением демографической ситуации, ростом преступности, развитием теневой экономики

и другими серьезными негативными последствиями. Но самое опасное следствие олигархического капитализма - «приватизация» власти, прежде всего государственной, превратившей многотысячную армию чиновников в феномен мощной, хищной и своеобразной в субкультурном отношении клановой олигархии, живущей по канонам рентоориентированного поведения, что становится тормозом на пути системной трансформации российского общества. Предметом ССК сегодня становится пересмотр итогов приватизации. Возникнув на экономической основе, этот конфликт сегодня превратился в комплексный, систематизировав весь общественно-политический дискурс¹, политические линии размежевания внутри которого идут по вопросам передела собственности и ренационализации.

Во втором параграфе *«Конфликты в социальной сфере как следствие непоследовательности системных реформ: многообразие проявлений»* анализируется дезинтеграция сложившихся ранее социальных структур и связей, утрата прежней и поиск новой социальной идентификации на разных уровнях: от индивида до больших социальных общностей. Подчеркивается, что нынешняя российская социальная структура изменяется в направлении явно выраженной классовой модели, что грозит привести Россию к классово расколотому обществу со всеми атрибутами и следствиями социальной поляризации. Такая структура отличается крайней социальной неустойчивостью как на уровне процессов, происходящих внутри социальных групп, так и на уровне осознания личностью своего места в системе социальной иерархии. ССК в социальной сфере связан с реализацией неолиберальной версии капитализма, порождающей социальный дуализм, социальную напряженность и спонтанно возникающие локальные формы классовой борьбы, пик которой в виде забастовок и пикетов пришелся на 1996 - начало 1997 гг. и первую половину 1999 г.²; с проявлением высокой степени недоверия к политической власти, что значительно ослабляет социальную базу демократической государственности и формирует устойчивый комплексный конфликт между обществом и властью. Автор приводит эмпирические и логические доказательства, свидетельствующие о том, что оснований для социального взрыва в стране нет. Однако подчеркивает, что поведение людей в кризисных, нестабильных ситуациях подчиняется нелинейным зависимостям. Нынешний этап реформ требует формирования сильного и эффективного государства на основе социальной консолидации, расширения общественной поддержки целей и действий властей. Указывается, что в условиях отсутствия массового среднего класса консолидация расколотого об-

¹ Власть и олигархи: возможен ли консенсус? Ведущие политологи о взаимоотношениях бизнеса и государства. - Российская газета, 2003, 27 ноября, с. 8.

² Кинсбургский А.В., Топалов М.И. Массовое и элитарное сознание: механизмы взаимодействия и конфликта в современной России. — Тезисы докладов и выступления на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы», 30 сентября – 2 октября 2003 г. Т. 3. М., 2003, с.349.

щества может быть обеспечена не иначе как при опосредующей роли самого государства. Для того чтобы запустить параллельно взаимообусловленные процессы социальной консолидации и укрепления государства, необходимы следующие условия: *выбор* такой стратегической цели развития государства, которая обладает консолидирующим потенциалом, способна обеспечить усилия различных социальных групп; *формирование* механизма «социального контракта» (партнерства) между государством (властью), бизнесом и обществом, на котором, в частности, будут базироваться институты легитимности государства и собственности; *создание* новой системы социального порядка, регулирующей поведение основных социальных субъектов в контексте реализации стратегических целей государства. Локальным примером такого подхода может служить принятая в 2002 г. Программа улучшения качества жизни населения Белгородской области, которая целенаправленно предполагает переход от стратегии выживания к стратегии развития, ориентированного на социальный рынок, на достойную жизнь человека.

В третьей главе «Конфликты в политической сфере общества» исследуется специфика проявления конфликтности в процессе политической трансформации, отмечается ее двойственность и противоречивость, предполагающая активное самоопределение субъектов политического конфликта по вопросам институционализации власти, федеративного строительства, методов принятия политических решений и формирования государственной политики, а также те содержательные особенности комплексной конфликтности, непонимание которых препятствует выходу из «ситуации неопределенности» и блокирует возможности консолидации демократической системы. В первом параграфе «Онтология политической конфликтности российского общества» автор анализирует сложность политической трансформации в России, предполагающей создание демократических институтов одновременно с созданием предпосылок демократии (отделением собственности от власти, введением принципа разделения властей, созданием слоя ответственных собственников, формированием гражданского общества и т.д.). Однако формирование этих предпосылок у нас происходит в жестких и динамичных условиях глобализации, перехода мирового сообщества от индустриального к постиндустриальному обществу, от модерна к постмодерну, что по-новому выстраивает приоритеты разрешения экономических, социальных, социокультурных противоречий и конфликтов. «Утяжеленность» собственно политической конфликтности, сопровождающей переход российского общества к демократии, комплексом конфликтов социального, экономического, социокультурного, этно-национального свойства, включение в ее объект и предмет этого ряда проблем и противоречий и, соответственно, социальных субъектов, сужает возможности для естественного, без откатов, продвижения и утверждения принципов демократии и ее консолидации в российских условиях, приводит к «переворачиванию» методов ее воплощения — с гражданских и государственно-демократических на элитистски-бюрократические, к нарастанию авторитарно-бюрократической стабильности.

лизации трансформационных процессов, которые приобретают «иллюзорно вялотекущий характер», закрепляя деформированную систему представительства гражданских интересов и сокращая рассматриваемые обществом альтернативны, что ведет к потере внутренних источников саморазвития власти и общества и содержит угрозу социально-политической дестабилизации. Особо подчеркивается, что авторитарный режим подчинен логике обретения абсолютной власти и, как прежде, будет загонять противоречия вглубь. Успешное «снятие» комплексной конфликтности политической трансформации возможно только на пути укрепления демократических, публичных институтов, условием и результатом которых является не авторитаризм, а демократия. Именно поэтому альтернативы и выходы России из модернизационного тупика видятся на пути органического взаимодействия гражданского общества и государства как ключевой проблемы развития демократии и противодействия авторитарным тенденциям.

Вовтором параграфе «Конфликты в административно-государственной сфере» автор исследует конфликты в системе государственного управления. Отмечается, что многочисленные конфликты политической трансформации оказались связанными с государственно-административными, а последние, в свою очередь, предопределяют течение и исход многих собственно политических, этно-национальных, экономических и социальных конфликтов. И от того, насколько правильно они будут диагностированы и, соответственно, урегулированы, зависит исход в целом политического трансформационного процесса. Подчеркивается, что в нынешних условиях решающая роль в процессе трансформации должна принадлежать государству, потому что именно в государственной сфере возможна «поддержка идентичности социального целого в его движении от прошлого к будущему»¹. В параграфе дано описание типологии конфликтов в государственно-административной сфере, а именно: конфликта между политическими и государственно-административными субъектами (структурами); конфликта между государственно-административными структурами и организациями государственного и частного секторов; конфликтов между ведомствами, министерствами и другими организационно оформленными звеньями управления; между федеральными, региональными органами государственного управления и местным самоуправлением; внутриорганизационных конфликтов в госучреждениях; конфликтов между органами государственного управления и населением; между чиновниками и гражданами. Ввиду основной роли государства в общественных переменах, многие из этих конфликтов проецируются в иные сферы общества, выявляя необходимость разрешения ряда острейших противоречий общества - между экономической эффективностью и социальной справедливостью, между бизнесом, стремящимся рационализировать свои отношения с государством, и коррумпированным чиновничеством, между сферой социальных гарантий и коммерческих услуг, обуслов-

¹ Touraine A. Modernity and Identity. – International J. of Social Science, 1988, Nov., № 118, p. 451.

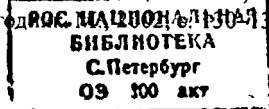
ливающей гуманистический потенциал современного государства, и т.д. Отсюда вырастает потребность в проведении полномасштабной Административной реформы, которая призвана приспособить современную государственную власть к вызовам системной трансформации российского общества, ибо реальная практика функционирования государства выявляет противоречие между управленческо-бюрократическим и политико-реформистским аспектами государственного бытия. И средостением всех проблем становится проблема реформирования административного аппарата.

В третьем параграфе *«Особенности этно-национальных конфликтов в российском социуме»* показано, что обострение этнической конфликтности, которое сопровождается суммой иных конфликтов, особенно ценностного характера, может «заблокировать» процесс трансформации общества и привести его к самым неожиданным исходам. Некоторые специалисты считают, что «этнически плюральные общества не благоприятствуют развитию демократии»¹. В этом есть доля истины. Так, исследования, проводимые Л.М. Дробижевой², показали, что молодая демократия в России не снимает проблемы представленности в федеральных органах власти национальных меньшинств, как и дискриминации в республиках нетитульных народов. Слабая демократия также не справляется с ростом этнофобий. Опыт Франции и Австрии предупреждает, что с ними не всегда справляются и развитые демократии. Есть тенденции, позволяющие прогнозировать, что проблемы этнических страхов, неприязни, экстремизма со временем отнесут по своей значимости для страны этнически нагруженные проблемы взаимоотношения Центра и республик. Так, по данным ВЦИОМ, угрозу со стороны людей других национальностей в 1996 г. ощущали 33%, а в 2000 г. - 56%. Идею «Россия - для русских» поддерживали в 1996 г. 46%, в 2000 г. - 55%. Массовых кровопролитий, столкновений на национальной почве ожидают 49% россиян (правда, в тех местах, где они живут сами - 24%)³. Особым конфликтогенным потенциалом обладает фактор миграции. В России эта проблема отягощается меньшей готовностью принимающего населения и повышенными ожиданиями прибывающего. Особенно ярко комплексная природа ССК, в котором переплелись политические, административно-государственные и этнические конфликты, проявилась в процессе построения федеративных отношений, который составляет значительную часть проводимой ныне Административной реформы. Автор утверждает, что государственная политика не учитывает усложнения и дальнейшей дивергенции этнических процессов, делая ставку на централизованные, «спускаемые сверху» административные методы управления в рамках концепции «восстановления вертикали власти». Показано, что и противники, и сторонники админи-

¹ Rabushka A., Shepsle K. Politics in Plural Societies: A Theory of Democratic Instability. Columbus, 1972, p. 186.

² Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003.

³ Общественное мнение 2002. Ежегодник. М.: ВЦИОМ, 2003.

стративных нововведений едины не только в определении данных реформ как радикальных с точки зрения трактовки российского федерализма, но и в том, что эти нововведения ведут к централизации управления и контроля, а также в том, что их следствием становится резкое усиление реальных полномочий главы государства в области регулирования федеративных отношений на законодательном и особенно - кадровом уровне. Основным объектом споров становится вопрос об эффективности нового (параллельного) административно-территориального деления страны и института полномочных представителей президента. Автор придерживается мнения, что основная перспектива России - развитие сложноорганизованного федерализма, учитывающего процессы этнокультурного плюрализма, противодействие крепнущему этатистскому национализму. Любая попытка остановить этот процесс может закончиться этноконфликтным взрывом и гибелью российского государства либо установлением жесткого неототалитарного режима. Обострение этнической конфликтности в современных условиях может также соединить этнический национализм с религиозным фундаментализмом. Рассмотрев особенности развертывания этно-национальной конфликтности в процессе политической трансформации в хронологическом аспекте, автор делает вывод, что только углубление демократизации может предотвратить негативные тенденции в этно-национальных отношениях, предоставляя общественно-политической системе механизмы для естественной игры и согласования разнообразных устремлений и делая на этой основе возможной ненасильственную, органичную форму ее движения, противоположную административному централизму.

В четвертом параграфе *«Социально-политические конфликты в регионах: основные тенденции и типы»* исследовались социально-политические конфликты в регионах, тенденции и особенности их развертывания и регулирования. Анализ политической конфликтности в регионах позволяет лучше реконструировать логику политической трансформации в России в целом, учитывая растущую с начала 1990-х гг. региональную экономическую и социальную региональную дифференциацию. Показано, что развитие политических процессов в регионах идет также под знаком двух моделей конфликтности — элитистских и классовых. Автор описывает значимые элитистские модели конфликта, в которых проявляет себя острое противоборство между различными политическими, экономическими и административными группировками элиты, находящимися на разных позициях региональной власти, неравномерное распределение которой постоянно создает источники напряжения политического поля в регионе. Использование возможностей мониторинговых исследований конфликтности в Нижегородском регионе за период с 2000 по 2002 гг. позволило проверить и конкретизировать вышеизложенные концепты. Мониторинг показал, что в области присутствует глубокий социально-экономический кризис, поскольку степень озабоченности населения социально-экономическими проблемами достаточно высока. Это создает своеобразную *социальную «линзу»* восприятия острых проблем

региона, но, с другой стороны, формирует определенный синдром адаптации, который помогает населению выживать в переходных условиях затянувшейся рыночной трансформации. В целом подтверждается вывод о том, что предметом многих политических конфликтов выступают проблемы социально-экономического свойства, связанные с фрустрацией потребностей социально-экономического воспроизводства жизнедеятельности населения. Именно с точки зрения эффективности решения противоречий социального и экономического свойства простые граждане оценивают результативность действий региональной власти и проводимого ею политического курса. Вертикальный срез комплексной конфликтности на настоящий момент демонстрирует определенную разбалансировку соотношения «верхов» и «низов»: массовый субъект - жители области - демонстрируют большой потенциал критического настроя к действиям власти и готовности к протестным выступлениям (чаще всего - спонтанного, неинституционализированного характера). Данные как за 2001, так и за 2002 гг. показывают, что в случае конфликтной ситуации граждане структурируют свою активность *ситуативно* (по соответствующим группам), разрешают конфликты преимущественно самостоятельно (до 92-92,8%). К суду апеллировали всего 5,6-5,8% респондентов, к властям - 6,8-8,3%. *Участие оке институциональных посредников (суда, арбитража, милиции, прокуратуры и пр.) чаще всего вызывало неудовлетворение. Таким образом, налицо неспособность органов региональной власти справиться с растущими требованиями своего населения, которое пытается искать ответы на вызовы за пределами официальных институтов власти и все больше разочаровывается в демократии.*

Исследование вскрыло конфликтные аспекты функционирования самой региональной власти: *доминантой последней, несомненно, является губернатор и его аппарат.* Однако работа самого аппарата не лучшим образом воспринимается населением: бюрократизм, блат, взяточничество, низкий профессионализм остаются по-прежнему основными пороками региональной исполнительной власти. Автором были спрогнозированы будущие «точки напряжения» в вертикали власти, эффективность которой во многом зависит от оптимального распределения полномочий между региональным и местным уровнями: согласно исследованиям, нагрузка ответственности на местную власть за нерешенные проблемы значительно растет, а полномочия — остаются незначительными, поскольку, помимо регионально-административного «этажа» власти, возрастает давление финансово-промышленных групп, системы хозяйственного директората и криминальных группировок, каждая из которых может сделать именно местный уровень (мэра, муниципальные власти) ответственным за внутриэлитные коллизии. И в этом «узле» неотрегулированных отношений зреют будущие конфликтные ситуации грядущих противоборств, которые могут пойти по сценарию усиления «*бицентрической*» модели организации власти, ведущей к антагонизму местного и регионального центров принятия решений, а могут привести и к

усилению принципа «войны всех против всех», в которую, несомненно, будут втянуты и жители региона в качестве массового актора, отобилизованного на волне социальной неудовлетворенности.

В целом мониторинговые исследования указывают, что для реализации принципов конфликтологической парадигмы необходимо формирование определенной, комплексной по сути, «инфраструктуры» — совокупности условий социально-экономического, правового, политического характера, позволяющих переводить конфликтность из спонтанной, взрывной, непредсказуемой формы в конструктивное русло институционализированного диалога власти и общества, в правовое и публичное поле взаимодействия различных субъектов регионального политического поля.

В четвертой главе «Характер взаимодействия государства и гражданского общества в условиях политической трансформации России» исследуется противоречивая природа взаимоотношений государства и гражданского общества, которая манифестирует себя в совокупности определенного рода конфликтов, деструктивное течение которых может создавать сложности и проблемы в демократическом процессе, а также обосновываются технологии социального партнерства (старого, сред-юнионистского, и нового — в области общественных отношений), позволяющие институционализировать эту конфликтность и придать ей позитивно-функциональную направленность. Особое внимание уделяется роли и значению публичной сферы и политики как институтов открытого согласования интересов в обществе и структурирования субъектов принятия политических решений, а также эмпирическим тенденциям реально складывающегося взаимодействия органов региональной и местной власти и организаций «третьего» сектора при решении проблем социальной сферы.

В первом параграфе «Место и роль конфликта в системе взаимодействия гражданского общества и государства (понятие и типология протоконфликта)» анализируется проблема амбивалентности взаимоотношения государства и гражданского общества, во взаимодействии которых одновременно присутствует как сотрудничество, так и противостояние. Эту мысль подчеркивают многие современные исследователи: «С одной стороны, как государство, так и гражданское общество — необходимые элементы демократического процесса, нацеленного на достижение справедливости. С другой — своими свойствами и действиями они как бы подрывают друг друга»¹. Диссертант утверждает, что взаимодействие данных субъектов опосредовано феноменом *протоконфликта*, фиксирующего наличие определенной совокупности *социальных противоречий*, в которые погружены действующие субъекты, и *процессуальность осознания* ими противоречивости отношений, целей и интересов при наличии определенного рода возможных угроз. *Протоконфликт предполагает «дремлющий», неразвернутый до конфронтации, режим существования социального конфликта, который, тем не менее, благодаря взаимным усилиям сторон, позволяет снять противоречие,*

¹ Young I.M. Inclusion and Democracy. N.Y.: Oxford University Press, 2000, p. 192.

не доводя его до антагонизма, приводящего чаще всего на практике к взаимоничтожению (истощению) или социальной деградации. Описаны особенности противоречий, существующих объективно, заданных социальной природой взаимодействующих субъектов - государства, а со стороны гражданского общества - бизнеса и организаций «третьего сектора» (ННКО) как новых, наиболее динамичных его структурных элементов. Автор делает вывод, что функционально понимаемая конфликтность во взаимоотношениях между гражданским обществом и государством является необходимым элементом социальной динамики и неустранимым условием оптимизации и самосовершенствования всей социально-политической системы. Характер, качество, тип и направленность этого взаимодействия могут быть описаны континуумом «конфронтация — игнорирование - партнерство». Те образования гражданского общества, которые вступают в конфронтацию с государством, представляют деструктивную конфликтность, создают напряжения и противоречия разрушительного толка, тормозят общественную динамику и позитивные преобразования (хотя при этом они не перестают быть элементами гражданского общества). Те же структуры гражданского общества, которые вступают в партнерские взаимоотношения с государством, работают на взаимоусиление совместных усилий, оптимизируют общественное развитие, ведут его к позитивному исходу. Не следует упускать из виду, что и государство может выступать в этом взаимодействии далеко не конструктивным партнером и блокировать поступательное развитие общества, подменяя общенациональные интересы узкоэгоистическими, корпоративно-чиновничьими. Диссертантом дается описание типов протоконфликтов, выделенных по одному основанию - причинам, лежащим в основе рассогласования интересов и целей сторон: потенциальный конфликт отношений; информационный протоконфликт; ценностный; структурный; процедурный; нормативно-правовой; квалификационный; технологический; психологический протоконфликт; лидерский; квази-ресурсный и сложно-составной, образованный как минимум любой парой вышеназванных протоконфликтов. Подчеркивается, что не менее важным шагом является их институционализация. Выделяется такая новая форма институционализации, начавшая работать в общенациональном масштабе в России, как Гражданские форумы. В ноябре 2001 г. впервые состоялся такого рода общенациональный сбор, на котором лицом к лицу встретились представители государства и многочисленных гражданских объединений, обсудившие назревшие вопросы признания необходимости и плодотворности сотрудничества гражданских инициатив и государственных политиков с тем, чтобы навести мосты между публичной сферой общества и государством. Гражданский форум, проведенный в 2002 г. в Тольятти, развил эту социально-политическую технологию и вышел на диалог с бизнесом. Российский форум - 2003 в Нижнем Новгороде поставил своей задачей договориться уже в чем-то консолидированным силам о генеральных правилах взаимодействия и приоритетах развития страны в преддверии парламентских и президентских выборов. Своеобразной

попыткой перейти к стадии переговорного процесса в рамках Гражданских форумов в России были усилия создать работающие «переговорные площадки», на которых сообща работали представители власти и гражданского общества в поиске согласованных подходов по специальным, предметно-ориентированным направлениям. Так, наиболее острыми и «болезненными» по темам на Всероссийском форуме - 2003 были переговорные площадки «Реформа местного самоуправления», «Взаимодействие гражданских и государственных институтов в обеспечении национальной безопасности России», «Взаимодействие власти и гражданских организаций по вопросам общественного контроля за соблюдением прав человека в деятельности правоохранительных органов и закрытых учреждений». На основе предпринятого анализа автор заключает, что степень адекватного усвоения идеи конфликта (в форме предконфликта, протоконфликта) во взаимодействии государства и гражданского общества может служить индикатором качества и уровня демократического, цивилизованного развития составляющих его субъектов, их адаптации к новым, динамичным условиям трансформирующегося общества.

Во втором параграфе *«Генезис и спектр взаимоотношений государства и гражданского общества: от конфронтации к партнерству»* исследуется историческая ретроспектива взаимоотношений государства и гражданского общества как двуединого процесса, в рамках которого характер динамического взаимодействия двух субъектов мог либо усиливать, либо ослаблять как эти институты, так и общество в целом. С начала XIX в. можно выделить две парадигмы описания сущности этого взаимодействия. Одна опирается на немецкую философско-культурную традицию, достигая кульминации у Гегеля и Маркса. В этом подходе акцент ставится на политическом решении общественных вопросов, то есть решении их государством. Свое дальнейшее развитие эта линия получила в социал-демократической традиции, которая отвергает либеральную идею «государства - ночного сторожа» и подчеркивает демократические и социальные атрибуты активной государственности. Другая - *либеральная* - линия развития концепции гражданского общества центр тяжести переносит на свободу, ставя ее превыше всех ценностей. Здесь особый упор делается на функцию саморегуляции гражданского общества, выступающего хранителем индивидуальных прав и свобод, защитником (гарантом) их от посягательства государства. Дискуссии об отношениях государства и гражданского общества возобновились в конце XX в. и продолжаются и по сей день (Э. Арато, Д. Коэн, Т. Янсон, А. Янг, Ю. Хабермас и др.), указывая на то, как непросто идет поиск оптимума в балансе сил государства и гражданского общества. Новые реалии в этом взаимодействии указывают на то, что *современное государство утратило свое монопольное положение как единственный инструмент политики, оно оказалось «опутанным» сложной сетью других общественных и политических организаций и институтов, которые сформировались в среде гражданского общества и стали по-новому*

«простраивать» систему своего взаимодействия с государством, что удачно было обозначено как новое (межсекторное) социальное партнерство как тип конструктивного взаимодействия организаций государства (первого сектора), бизнеса (второго сектора) и гражданского общества в лице ННКО (третьего сектора) для решения социально значимых проблем всего общества. В результате исторического и логического развития моделей взаимодействия институтов государства и гражданского общества к началу XXI в. рельефно обозначился переход от антагонистических, конфронтационных форм взаимодействия ко все большему утверждению принципов партнерства. Это потребовало в корне пересмотреть саму философию власти, перейти от доминанты господства и гегемонии в ее назначении к партнерству и диалогу. В этом случае для всех партнеров расширялось поле взаимного сотрудничества, усиливалась совместная власть над обстоятельствами.

В третьем параграфе «Социальное партнерство как модель поиска баланса интересов, учета взаимных ожиданий адаптации корпоративной идентичности в рамках трансформационных процессов» подчеркивается, что социальное партнерство как консенсусный тип социального взаимодействия индивидов и их организаций, обладающих разными статусами, но выступающих при этом в качестве равноправных, самостоятельных субъектов, согласовывающих свои действия на основе взаимного учета интересов и потребностей, выросло из социального конфликта и стало альтернативным выходом из глобального экономического кризиса 30-х гг. XX столетия, породившего множество конфронтационных столкновений. Социальное партнерство как принципиально новый тип общественных отношений, пронизывающий все сферы общества, и прежде всего - социально-трудовую, утверждается как система в общественной жизни Запада со второй половины XX столетия. Механизм социального партнерства в России развивается в условиях глубокого общего кризиса, резко выраженной поляризации коллективно-договорного процесса, несформированности равноправных субъектов, неразвитости элементов гражданского общества, недостаточно разработанной правовой системы регулирования социально-трудовых отношений. **Отсюда происходят серьезные «сбои» в сложной диалектике согласия и противостояния, миролюбия и конфронтации, индивидуализма и коллективизма, заложенных в природе социального партнерства как определенной типа договорных отношений и одного из важнейших способов социального бытия.** В современной российской действительности множатся признаки гегемонистской стратегии краткосрочных выигрышей, достигаемых за счет доверия наемных работников к работодателям и властным структурам. Соккрытие интересов, дезориентирующие акции, стремление не дать опомниться одной стороне и получить выигрыш за ее счет - все это выводит государственную политику за рамки цивилизованного партнерства. Российские предприниматели, бизнесмены зачастую не соблюдают никаких правил игры, отбрасывают все, лишь бы заполучить «весь ка-

питал» за счет интересов потребителей или работников. Да и само государство в лице исполнительных органов власти часто не соблюдает взятые на себя обязательства, о чем свидетельствует неисполнение генеральных, отраслевых и региональных соглашений, принятых в 90-е гг.¹ Все это усиливает социальную напряженность и углубляет степень недоверия, которая складывается во взаимоотношениях основных субъектов социального партнерства.

В конце 1970-х гг. на авансцену западного демократического мира стали выходить так называемые новые общественные движения, которые выросли на основе постматериальных ценностей, более фрагментированной и динамичной социальной действительности глобализирующегося мира. Некоммерческие, негосударственные организации, составляющие субстрат новых движений, инициируют взаимодействие с властными структурами на постоянной основе и привлекают к своим программам средства бизнеса². Тем самым они являются катализаторами «*нового социального партнерства*» в области общественных отношений, квинтэссенцией которого является взаимодействие трех сил (секторов) общества - государства, бизнеса и гражданских инициатив. В странах с развитой рыночной экономикой новое социальное партнерство (или межсекторное социальное партнерство - МСП) приходит на смену традиционной трипартистской системе.

И в России за прошедшее десятилетие стал формироваться независимый негосударственный, некоммерческий сектор (часто называемый «третьим»), базирующийся на гражданских инициативах преимущественно в непроизводственной сфере (образование, наука, здравоохранение, социальная защита, экология и пр.). Его миссия заключается в лоббировании общественных интересов, предоставлении социальных услуг целевым группам, общественной экспертизе и т.д. Сегодня этот новый сектор гражданского общества включает 3,5 миллиона активистов, объединенных в более трети миллиона организаций, услугами ННКО при решении различного рода социальных проблем (социальное сиротство, борьба с наркоманией и туберкулезом, экологические проблемы и пр.) ежегодно пользуются 15% населения страны. ННКО стали фактором и экономического роста: в их рамках создано более миллиона рабочих мест. Сегодня некоммерческий, неправительственный сектор можно рассматривать как самую гибкую и оперативную силу гражданского общества, объединяющую *социально-инновационные слои различных социальных групп общества*. Содержательно концепт МСП можно определить как *конструктивное взаимодействие организаций из двух или трех секторов (государство, бизнес, некоммерческий сектор) при решении социальных проблем, выгодное населению территории и каждой из сторон, обеспечивающее синергетический эффект от сложения разных*

¹ Михеев В.А. Основы социального партнерства: теория и политика. М.: Экзамен, 2001, с.37, 124.

² Нечаев А.Н. От государства партий к государству общественных ассоциаций. – Полис, 2002, № 2, с. 167-170.

ресурсов¹. Представители каждого сектора имеют разные возможности и ресурсы для участия в решении проблем социальной сферы, у них разные представления о самой природе социальных проблем. Но, несмотря на все различия, сотрудничество секторов необходимо: ни государство, ни бизнес, ни граждане не могут «в одиночку» преодолеть груз накопившихся социальных проблем и разрешить конфликты. Только опираясь на социальное партнерство в области общественных отношений, государство в новых условиях демократического транзита сможет обеспечить в полном объеме конституционно закрепленные функции социального государства.

Проанализировав структуру и принципы МСП, автор подчеркивает, что последнее может стать мощным генератором социальных инноваций, механизмом социального контракта, позволяющего *выявлять, кристаллизовать и продвигать различного рода продуктивные социальные интересы*, которые, в свою очередь, приводят к структурированию социальных субъектов, способных цивилизованно выстраивать социальные и политические отношения, основанные на поиске *«зон согласия» и выгоды*.

В четвертом параграфе «Роль публичной сферы и публичной политики во взаимодействии государства и гражданского общества» дается описание сущности и особенностей функционирования указанных публичных институтов, в рамках которых только и может полноценно развиваться взаимодействие власти и гражданского общества. Выполняя функции артикуляции общественных интересов, публичного контроля за деятельностью власти и влияния на формирование политики, публичная сфера представляет собой сферу коммуникации, которую отличает содержательная направленность на интересы всего общества. Развитие публичной сферы, подчеркивает автор, является необходимым условием развития демократической системы. Публичная же политика представляет собой способ и результат общественного участия в процессе принятия жизненно важных для общества решений. Развитие публичной политики — это необходимое условие становления демократии участия, которая должна прийти на смену электоральной демократии, демократии голосований. Если демократия голосования будет дополнена практикой общественного участия, способной превратить закрытую, келейную, государственную политику в процесс открытый, прозрачный и подотчетный населению — тогда мы и будем иметь дело с политикой публичной. Л это — качественно иной уровень развития демократии.

Это обстоятельство особо высвечивает роль модели представительства интересов и механизмов формирования политики. *Плюралистическая модель* рассматривает политический процесс как давление различных групп интересов на власть и распределение, соответственно, власти в сообществе.

¹ Либоракина М., Флямер М., Якимец В. Социальное партнерство. Школа культурной политики. М., 1996, с. 115; Якимец В.Н. Межсекторное социальное партнерство (государство — бизнес — некоммерческие организации). М.: ГУУ, 2002, с. 6.; Перегудов С.П. Корпорации, общество, государство: эволюция отношений. М.: Наука, 2003, с. 310.

В противоположность плюрализму, *корпоративизм* рассматривает государство в качестве важнейшего конституирующего элемента отношений между группами интересов и политикой. Общее кредо *теории политических сетей* состоит в том, что она способна уловить сложность и текучесть современного процесса принятия политических решений и формирования политики. Теория сетей модифицирует понимание властно централизованной политики в направлении политики взаимной ответственности и обязательств.

Далее автор анализирует особенности публичной политики в современной России, характеризуя ее как «режим консультаций», который идет при активном контроле государственно-административных структур. Такой режим характеризуется усилением свойств корпоративистского представительства интересов и особого статуса институционализации возможного диалога. Описывая достоинства и недостатки сложившейся практики формирования публичной политики, автор заключает, что вопрос о том, в каком направлении будет дальше развиваться формат публичной политики - «корпоративно-бюрократическом» или «гражданско-модернизационном» - остается открытым. Это, видимо, один из тех вопросов, по поводу которого России тоже предстоит сделать определенный политический выбор.

В последнем, **пятом параграфе** *«Проблемные точки взаимодействия органов государственной власти и «третьего сектора» (по материалам эмпирического исследования в регионах РФ)»* исследуются формы гражданского участия (в рамках МСП) в управлении общественными делами, а также - при сформированности правовых подходов - и государственными делами. В процессе эмпирического исследования реального взаимодействия государственных и муниципальных служащих и представителей ННКО трех крупных городов - Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Мурманска, были выявлены следующие результаты: декларируя заинтересованность в партнерских отношениях, чиновники и представители гражданских объединений в своих практических позициях могли далеко отходить от заявленных интересов сотрудничества (причем мера рассогласования убывала согласно степени «продвинутой» идей и практик межсекторного социального партнерства в соответствующих городах: меньше всего в Санкт-Петербурге и Екатеринбурге и больше всего в Мурманске); взаимоотношения представителей органов государственной и местной власти и членов ННКО на микроуровне опосредованы так называемым «габитусом» (П. Бурдьё), то есть предрасположенностью воспринимать себя и противоположную сторону так, как это обусловлено наличной социально-политической практикой, сложившимися социальными стереотипами власти и гражданского общества в России. Замечено, что государственные и муниципальные служащие закладывают в свои позиции восприятие себя как субъекта, обладающего монополией на информацию, компетентность, лучшее видение государственной стратегии. Характер позиций представителей ННКО отражает те особенности общественного сознания, которые возникли в ситуации аномии переходного общества, «размытости» и «фрагментированности» его ценностной системы, отчуж-

денности и политической невостребованности гражданского ресурса. В позиции представителей ННКО закладывается восприятие себя как самодостаточной силы самого проявления инициативы, активности, притязаний от имени «Народа», «Общественности», что хорошо коррелирует с низкими показателями профессиональной компетентности и высокими - амбициозности, патернализма. Такая «гибридность» сознания и, соответственно, восприятия обусловлены сложными, амбивалентными, «островными» (не системными) социальными практиками функционирования и развития гражданского общества в России.

Результаты социологического исследования в регионах свидетельствуют о том, что региональные ННКО, как и гражданская деловая инициатива, осознают необходимость выстраивания конструктивного взаимодействия с местными и региональными органами власти в поиске эффективных путей решения острых социальных проблем. И органы власти, и ННКО отдают предпочтение созданию цивилизованной нормативно-правовой базы, при которой инициатива граждан могла бы максимально развиваться, а также разработке приемлемых механизмов межсекторного сотрудничества.

Неоднородность развития сотрудничества между ННКО и органами власти в социальной сфере в разных городах была очевидна изначально. Это еще раз было установлено в ходе опросов, подтвердив вывод о необходимости развития системы совместного обучения муниципальных и региональных служащих и сотрудников ННКО различным аспектам взаимодействия. Опрос показал, что внимание, давно уделяемое этому в Санкт-Петербурге, уже принесло позитивные плоды.

В исследовании характера взаимодействия ННКО и власти на предмет выявления форм конфликтности применялась качественная шкала взаимодействий, которая состояла из 9 позиций (*от* конфронтации, столкновений, разногласий *через* игнорирование, нейтральные отношения и приспособление *до* разового сотрудничества, реализации совместных проектов и постоянных партнерских отношений). Интересно, что в «продвинутых» регионах и сотрудники ННКО, и служащие отметили, что в их взаимоотношениях присутствуют и негативные, и позитивные моменты, хотя доминируют все-таки позитивные. Был выявлен интересный феномен: для определенного типа регионов характерно *бимодальное распределение* оценок характера взаимодействия с разными масштабами «пиков» в негативной и позитивной частях шкалы. *Это такие регионы, где у ННКО имеется четко выраженная позиция по ключевым вопросам социальной политики, которая не совпадает с позицией власти.* И поэтому, наряду с разными формами сотрудничества, существуют противоречия (в виде конфронтации, разногласий, столкновения позиций и др.). Обе группы из менее продвинутых регионов чаще отмечали, как правило, три последние позиции в «положительной» части шкалы (разовое сотрудничество, реализация совместных проектов и - очень мало - постоянное партнерство) и лишь эпизодически показывали наличие конфликтов.

Обобщение результатов проведенных исследований свидетельствует, что гражданское общество в России находится в процессе формирования. Для его дальнейшего укрепления требуется создание нормативно-правовой базы, которая обеспечила бы цивилизованные условия для максимального развития гражданской инициативы и закрепила созданные механизмы такого участия. Автор считает, что для формирования демократической политической системы и государственного управления России центральной проблемой является **демократизация, выстраивание на принципиально иной основе отношений между государством и гражданами, их объединениями. Социальное представительство интересов полноценно может развиваться и функционировать только в публичной сфере. Публичная сфера — это сфера диалога, общения, коммуникации, сфера договора с государством по общезначимым вопросам.** Как только атрибут публичности начинает исчезать или ощутимо «уменьшаться», так сразу на смену ему идут закрытость, коррумпированность, мафиозность и пр. Каналы влияния на органы государственной власти начинают монополизироваться сильнейшими группами давления, а общественные институты оказываются не в состоянии донести свои интересы до власти имущих. Ослабление и ограничение роли гражданского общества в его совместном и ответственном взаимодействии с государством уменьшает возможность консолидации демократии в России и, соответственно, укрепляет тенденции авторитаризма.

В Заключении подводятся общие итоги диссертационного исследования, делаются основные выводы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

1. Никовская Л.И. Трансформация в России в контексте социального конфликта. Научное издание. В 2-х частях. М.: ИД «Ключ-С», 2003. – 22,7 п.л.
2. Никовская Л.И. Метаморфозы политических конфликтов в контексте социально-политического кризиса. – В сб.: Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 5, Россия на перепутье: политические конфликты, взрывы, перевороты. М.: ИС РАН, 1993. – 0,5 п.л.
3. Никовская Л.И. Судьба демократии в условиях социально-политического кризиса. – В сб.: Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 5, Россия на перепутье: политические конфликты, взрывы, перевороты. М.: ИС РАН, 1993, – 0,5 п.л.
4. Никовская Л. И. Социальный взрыв: миф или реальность? – Власть, 1994, № 11. – 0,4 п.л.
5. Никовская Л.И. Демократические реформы и опасность правозащитной альтернативы. – Власть, 1994, № 12. – 0,4 п.л.
6. Никовская Л.И. Политические конфликты институционализации

- власти в России. - В сб.: Россия: политические противоборства и поиск согласия. М.: ИС РАН, 1998.-0, 75 п.л.
7. Никовская Л.И. Либерализм как источник конфликтов в современной России. - Экономика и политика в переходном обществе: кризис взаимодействия. М.: Эдиториал УРСС, 2000. - 1 п.л.
 8. Никовская Л.И. Онтология политических конфликтов в современной России. - Современная конфликтология в контексте культуры мира. Материалы I Международного конгресса конфликтологов. М.: Эдиториал УРСС, 2001.-1 п.л.
 9. Никовская Л.И. Новые реалии политических конфликтов в современной России. - Политическая конфликтология перед новыми вызовами. Воронеж, ВГУ, 2001. - 1 п.л.
 10. Никовская Л.И. Экспертиза и мониторинг социально-политической конфликтности в Нижегородском регионе. - В сб.: Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 20, Региональные конфликты: моделирование, мониторинг, менеджмент. М.: Эдиториал УРСС, 2003. - 1,2 п.л.
 11. Никовская Л.И. Социально-политические конфликты в регионах: основные тенденции и типы. - Россия реформирующаяся (под ред. Л.М. Дробижевой). М.: ИС РАН, 2003. - 1,2 п.л.
 12. Никовская Л.И. Конфликтологическая парадигма как основа конструктивного урегулирования социальных конфликтов в условиях трансформации. - В сб.: Конфликты на Северном Кавказе и пути их разрешения. Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2003. - 0,5 п.л.
 13. Никовская Л.И. Социальные основания гражданского общества на Западе и в России: состояние и проблемы. — Проблемы становления гражданского общества в России. Материалы научного семинара. Вып. 4. М.: ФРПЦ, 2003. - 1,5 п.л.
 14. Никовская Л.И. Форма конфликта как индикатор взаимодействия государства и гражданского общества. - В сб.: Государственное управление в XXI веке: концепции, методы и технологии. М.: Алекс, 2003.- 0,5 п.л.
 15. Никовская Л.И., Глухова А.В. Политическая конфликтология: состояние и тенденции развертывания. - Социальные конфликты в современной России. М.: Эдиториал УРСС, 1999. - 1,5 п.л., вклад автора 0,75 п.л.
 16. Никовская Л.И., Глухова А.В. Конфликты в системе государственного управления. - Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования). М.: Эдиториал УРСС, 1999. - 1 п.л., вклад автора 0,6 п.л.
 17. Никовская Л.И., Любин В.П. Российская политика в оценках экспертов. - Россия и современный мир, 2003, № 3. - 0,75 п.л., вклад автора 0,4 п.л.
 18. Никовская Л.И., Денисовский Г.М. Демократическое и авторитарное

- сознание в современной России: состояние и перспективы. Его влияние политические процессы. - В сб.: Массовое сознание и массовые действия. М: ИС РАН, 1994. - 1,5 п.л., вклад автора 1,35 п.л.
19. Никовская Л.И., Степанов Е.И. Формирование конфликтологии этнонациональных отношений. - В сб.: Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования). М: Эдиториал УРСС, 1999. - 3 п.л., вклад автора 1,8 п.л.
 20. Никовская Л.И., Якимец В.Н. Роль и место конфликта в развитии межсекторных взаимодействий в России. - Демократия: конфликтность и толерантность. Воронеж: ВГУ, 2002. - 1 п.л., вклад автора 0,7 п.л.
 21. Никовская Л.И., Якимец В.Н. Конфликт во взаимодействии государства и гражданского общества. - Журнал социологии и социальной антропологии. СПбГУ, 2003. Т. VI, № 1 (21). - 0,75 п.л., вклад автора 0,53 п.л.
 22. Никовская Л.И., Якимец В.Н. Взаимодействие государства и гражданского общества в России: состояние и особенности развития в регионах. — Труды института системного анализа. Выпуск «Социальное мышление и деятельность: влияние новых интеллектуальных технологий». М., ИСА РАН, 2004. - 1 п.л., вклад автора 0,6 п.л.
 23. Якимец В.Н., Никовская Л.И., Коновалова Л.Н. Теория и практика межсекторного партнерства в России. М.: ГУУ, 2004. -12,5 п.л., вклад автора 3 п.л.

Всего по теме диссертации опубликовано 66 работ общим объемом 64 п. л.

Подписано в печать 27.01.2004 г.
Печать РИЗО. Тираж 200 экз. Усл.печл. 3. Заказ № 064.
Отпечатано в типографии Издательского центра ИСАА при МГУ
Москва, ул. Моховая, 11

№ - 3340